

Максим Арх

Первый БПЛА Второй Мировой

1

Максим Арх

Первый БПЛА Второй Мировой - 1

«Автор»

2026

Арх М.

Первый БПЛА Второй Мировой - 1 / М. Арх — «Автор», 2026

Я и представить себе не мог, что подземный объект по изучению беспилотников станет моим билетом в прошлое. Один миг — и я посреди лесов в 1942 году, среди войны, в которую никогда даже не мыслил попасть. Технологии будущего рядом, враги — вокруг, а единственный знакомый человек — тот, кого я встретил уже здесь. Теперь каждый день — борьба за жизнь и попытка понять, какую роль судьба отвела мне в этом трудном времени.

© Арх М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2Странные странности	13
Глава 3Младший лейтенант	23
Глава 4Место под солнцем	32
Глава 5Непростая дилемма	37
Глава 6Обида	44
Глава 7По-другому нельзя	52
Глава 8Попытка не пытка	58
Глава 9Где я?	64
Глава 10Понимание непонимания	70
Глав	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Максим Арх

Первый БПЛА Второй Мировой - 1

Глава

Максим Арх

Первый БПЛА Второй мировой
Книга 1

Пролог

– Товарищ капитан, товарищ капитан, очнитесь! – Голос дрожал, а руки младшего лейтенанта с силой трясли неподвижное тело. – Товарищ капитан, уходить надо! Немцы могут нас найти! Уже ищут! Ищут! Товарищ капитан...

Ответа не последовало. Капитан Самохвалов, командир разведгруппы, заброшенной в немецкий тыл, не подавал признаков жизни. Лицо его застыло в сером выражении покоя, а губы посинели.

Два часа назад их ПС-84 – транспортный самолёт, которым пользовались советские войска для переброски разведчиков – был перехвачен вражеским ночным истребителем. Трассеры Messerschmitt Bf.110 разорвали казавшуюся непроглядной тьму, и небо озарилось короткими вспышками огня. Немец буквально изрешетил советскую машину, пробив баки и выведя из строя правый мотор. Пламя охватило фюзеляж, в котором ревущий ветер рвал сотрясающийся в клубах огня и дыма металл. Самолёт горел, разваливаясь прямо в воздухе, и мгновение спустя с чудовищным скрежетом рухнул в поле, оставив за собой полосу чёрного пепла и обломков.

Когда Кудрявцев очнулся, в голове звенело, будто кто-то неподалёку без устали бил титаническим молотом по огромной наковальне. Горло першило от дыма, глаза слезились. Он стоял на четвереньках среди искорёженных обломков и пытался понять, где находится. Воздух пах лишь гарью, а вокруг – мёртвая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего металла.

Пошатываясь, он снял с плеча обугленный вещмешок, который чудом успел надеть во время падения, и на ощупь вытащил маленький фонарь. Луч дрожащего света высветил разрушенную кабину, в которой находились искорёженные тела лётчиков, так и оставшихся навечно на своих боевых постах, а у частично вырванной двери лежало тело командира группы. Из груди капитана Самохвалова торчали рваные куски металла – оторванные части приборной панели. Кровь пропитала гимнастёрку, и было ясно – рана серьезная, если не сказать – смертельная.

Оглядевшись, младший лейтенант понял: живых, кроме них двоих, больше нет – они одни посреди ночи, в глубоком тылу противника, за сотню километров от назначенной точки высадки.

Положение было отчаянным, но Кудрявцев не привык сдаваться. Он снял с сиденья рацию, проверил патроны в ПППШ и, подняв на спину тело командира, направился к виднеющемуся в темноте далёкому лесу. До ближайшего массива было около пяти километров, и это расстояние нужно преодолеть через открытое поле, местами пересечённое редкими кустами. И туда обязательно нужно дойти – дойти любой ценой.

Каждый шаг давался тяжело. Раненый командир, вещмешок, рация – всё это тянуло вниз, лишая последних сил. Он шёл, останавливаясь каждые несколько десятков метров, и прислу-

шивался к ночи. В какой-то момент, найдя полуразрушенный то ли дом, то ли сарай на краю очередного поля, решил отдохнуть. Но перед этим развернул антенну, включил рацию и вышел в эфир на запасной частоте, сообщив о случившемся.

Прислонившись спиной к стене и закрыв на мгновение глаза, младший лейтенант, сам того не заметив, задремал.

Очнувшись от далёкого лая собак и какого-то странного звука, напоминающего жужжание. Сердце ёкнуло. Прислушался, но вокруг была тишина, нарушаемая лишь успокаивающим стрекотом сверчков.

Может, показалось?

«Возможно!» – подумал разведчик-диверсант.

Однако через минуту звук повторился. И был тот звук на этот раз вроде бы ближе.

Кудрявцев вскочил на ноги, схватил автомат и бросился к командиру. Он хотел попытаться привести того в чувство, но его действия оказались тщетны. Капитан Самохвалов умер.

В тех условиях, в которых младший лейтенант оказался, достойно похоронить боевого товарища не было никакой возможности. Он накрыл лицо ушедшего куском ткани, снял с головы пилотку, постоял с полминуты, а затем, словно бы что-то вспомнив, склонился и снял с командира планшет с картами, после чего аккуратно убрал его в свой вещмешок. Нужно было уходить, однако в этот момент он снова услышал лай, который на этот раз стал доноситься с другой стороны.

Сердце забило чаще.

«Обложили...»

Темнота давила. Казалось, воздух сам по себе звенел напряжением. Прислушавшись, он понял, что лают минимум три собаки – значит, ищейки. Сомнений не было – немцы скоро выйдут на место падения и, понятное дело, на его след. Уйти не удастся, но пока есть возможность, нужно сообщить командованию о провале.

Он сел поудобнее, накинул на рацию и на голову плащ-палатку, подсветил слабым лучом фонаря, щёлкнул тумблером и, настроив нужную частоту, вышел в эфир:

– Заря-1! Заря-1! Я – Сокол!

Из динамика шёл хрип и треск. Прибор то включался, то глох. Судя по всему, радиостанция была повреждена. Связь то обрывалась, то снова проявлялась коротким шипением.

– Заря-1, приём! – повторил он и, стараясь не думать, что попытки его тщетны, в несколько строк описал ситуацию.

Как бы он ни надеялся, ответа не последовало. Лишь забитый помехами эфир.

Младший лейтенант выключил фонарь и поднял голову к небу, которое начинало заметно светлеть. Скоро рассветёт, и тогда на открытом поле его будет видно за километры.

«Остаться здесь – верная смерть. Нужно идти! Но куда?»

Он стоял, разрываемый сомнениями: «Что делать? Что делать?..»

За последние минуты доносящийся с северной стороны лай усиливался.

Он обернулся.

С западной стали тоже слышаться отголоски гавканья.

«Ищейки уже в том лесу, к которому я шёл? Неужели конец?..» – мелькнула печальная мысль.

Пальцы сжали ППШ, а в груди закипела злость.

– Ну ничего, гады... живым я не дам! За товарищей отвечу! Заберу с собой, сколько смогу! А там и умирать не страшно будет!

В этот момент в оконном проёме полуразрушенной стены что-то мелькнуло с коротким жужжанием. Тень с шорохом пронеслась вдоль кирпичной кладки и стремительно взмыла вверх.

Сергей вскинул оружие.

– Что за чёрт... Птица? Или что это?

Он передёрнул затвор и прижался к стене, целясь в тёмное окно.

Жужжание снова послышалось, но уже где-то сверху, а потом вдруг раздался спокойный мужской голос, который произнёс:

– Привет, служивый. Вижу, обложили тебя. Поэтому задам тебе два вопроса. От того, насколько честно ты на них ответишь, будет зависеть твоя судьба. Первый: какой сейчас год?

Кудрявцев похолодел. Голос звучал странно, механически – не как у немца, но и не как у своего. Он поднял голову вверх, стараясь рассмотреть говорившего. Но ничего, кроме сломанного чердака, разглядеть не удалось.

«Померещилось?» – мелькнула в голове мысль.

Но голос тут же напомнил о себе, что это всё происходит взаправду.

– Так что молчишь? Время идёт! И оно не в нашу пользу! Скажи: какой сейчас год?!

– Тысяча девятьсот сорок второй... – не понимая, что происходит, машинально прошептал разведчик.

– Офигеть можно, – словно бы удивившись, произнёс голос, потом чуть помолчал и уточнил: – А месяц какой? Июль?

– Э-э, нет. Апрель, – вырвалось у Кудрявцева. Потом он спохватился, выпрямился и резко, командирским тоном крикнул:

– Кто ты? А ну, покажись!

Ответом был короткий вздох и жужжание, а затем тот же голос, теперь с другой стороны крыши, спокойно произнёс:

– Пока не могу. Считаю, что меня вообще нет. Но задам тебе второй вопрос – более важный конкретно для тебя: ты выжить хочешь?

Глава 1

Пробуждение

Очнулся я от того, что меня словно бы сильно встряхнуло.

«Землетрясение?» – первая мысль мелькнула в голове и тут же была смыта сомнением: «Да откуда здесь, в этой части страны, землетрясение?!»

Но в данном размышлении присутствовала явная нелогичность – с койки я упал именно от резкого толчка. Секунду назад что-то ударило в стены и пол, а теперь всё вокруг ещё продолжало подрагивать, будто подземный объект, в котором я находился, внезапно ожил и решил сбросить с себя бетонные плиты. Я ощущал это не столько глазами, сколько всем телом – каждая кость дрожала в резонанс гулу.

Неожиданно все лампы в жилом боксе и коридоре разом погасли, и помещения погрузились во тьму. Но длилась она не вечность. Спустя бесконечную секунду в непроглядной черноте вспыхнуло аварийное освещение: тусклое, кроваво-красное, мигающее в такт сирене. Оно разогнало мрак, но создало тревожную удушающую атмосферу. Да такую, что меня буквально начало тянуть в панику. Сирена выла, оглушительно разрывая барабанные перепонки. Ей подпевал равнодушный металлический голос диктора, без конца повторявший: «Внимание! Опасность! Всем покинуть объект! Внимание! Опасность! Всем покинуть объект!»

И это было ужасно. Без сомнения, при проектировании системы кто-то из инженеров оповещения вдохновлялся голливудскими боевиками.

«Но ведь это же сделано для кино! – хотелось закричать в темноту. – Так зачем вы тут, на подземном предприятии, понаделали всего этого театра?»

Разумеется, ответа бы мне никто не дал. А если бы и дал, то этим ответом стало бы стандартное: «Так положено!»

Впрочем сейчас размышлять об адекватности разработчиков явно не время. Нужно было срочно действовать и спасаться.

Резко поднялся и тут же врезался плечом в угол соседней койки. Мы жили в спальном боксе, рассчитанном на восьмерых, но рядом никого не оказалось. Впрочем, оно и неудивительно: из-за того, что у меня разболелась голова, я лёг спать сразу после экскурсии, проведённой по объекту, и даже не пошёл смотреть на какой-то необычный синий туман, в который окутался лес вокруг прилегающей территории. О странной природной аномалии сообщили охранники – и, естественно, все работники экспериментального предприятия сразу же ломались наверх посмотреть на диковину. В том числе и мои сокурсники, с которыми я прибыл сюда.

Вначале я тоже было собирался пойти – интересно же. Но буквально раскалывающаяся голова заставила меня изменить намерения и вместо этого плюхнуться на матрас.

И вот теперь, очнувшись от толчка, я никак не мог сообразить, что происходит и где все?!

Выбежал в коридор. Никого. Красные лампы мигали, сирена надрывалась, диктор бубнил о неминуемой опасности – а людей вокруг нет.

Этот факт меня очень поразил.

– Эй! Кто-нибудь! – крикнул я, чувствуя, как голос срывается.

Но никто отвечать мне не спешил. Оно и понятно, потому что никого нигде видно не было. Я метался по коридору и открывал все двери подряд. Жилая комната № 2 – пусто. Жилая комната № 3 – тоже. Жилая комната № 4, в которой я, собственно, и спал – все, кроме моей, кровати застелены, тумбочки закрыты, даже тапки аккуратно стоят у дверей. Столовая – столы накрыты, на одном подносе застыли остатки каши и хлеба, но ни души. Душевые, туалеты, прачечная, лаборатория – всюду никого.

Но дальше было хуже. Оказалось, что некоторые помещения завалены землёй до самого потолка. И вот тут стало по-настоящему жутко, когда я осознал, что не только люди исчезли, но и часть объекта оказалась заблокирована. Двери на склады № 1 и № 2, а также проходы в гараж, мастерские и разгрузочный бокс были завалены бетонными плитами, кусками арматуры, горами земли и обломками кирпича. Всё выглядело так, словно сама земля прорвалась внутрь комплекса, ломая стены и потолки.

– Да что же тут творится?! – вырвалось у меня.

Я тряхнул руками и рванул дальше – к центральному выходу.

«Ёлки-палки, неужели все ушли смотреть на тот проклятый туман, и никто снаружи не слышит тревоги?!»

Это казалось невероятным, но было фактом – сирены звучали уже больше минуты, а никто мне на выручку не шёл.

План подземного исследовательского центра я знал почти наизусть. Нас с одгруппниками обязали его выучить ещё в дороге, пока автобус тащился из Москвы. Экспериментальный объект построили глубоко в лесу, в стороне от дорог и деревень. По задумке декана нашего факультета мы, «двоечники», не сдавшие курсовые работы за второй курс, должны были провести здесь лето вместо того, чтобы вылететь из университета. Выбор оказался невелик: или отчисление, или летняя практика на объекте по исследованию беспилотной авиации. Мы, разумеется, не будучи дураками, выбрали второе.

Подземный комплекс был почти автономным: центральный вход с постом охраны, вестибюль, арсеналы, лаборатория, цех сборки, две зоны отдыха, душевые, склады, продуктовый блок, столовая, гараж, ремонтная мастерская, жилые боксы.

Наружу вело два выхода, в каждом из которых находились лифтовые шахты. Я это прекрасно помнил и поэтому сейчас уже мчался в нужном направлении по коридорам, спотыкаясь о хлам, что попадался под ноги: провода, свалившиеся со стен куски потолка, какие-то ящики... Через десять секунд добежал до нужного поворота, свернул – и замер. Там, где

должны были быть железные двустворчатые ворота центрального выхода, рекреация и будка охраны, теперь осталась лишь наваленная груда земли, бетона и искорёженного железа. Красный свет мигал, поэтому детально ничего рассмотреть не представлялось возможным, но ясно становилось одно – выход № 1 выходом на поверхность больше не является.

Но отчаиваться было рано, ведь в юго-восточной стороне западного крыла находился выход № 2. Не теряя времени, побежал туда, однако когда приблизился к нужному месту, то увидел, что он тоже напрочь завален грунтом.

– Что за чёрт... Неужели все эвакуировались, а я остался тут один?!

Я схватился за голову. Сознание накрыла паника, а дыхание стало рваным. На секунду показалось, что воздуха в помещении начало не хватать.

«Неужели заканчивается кислород?» – пронеслось в голове.

Но я тут же отмёл эту мысль как нелепую. Комплекс занимал площадь около трёх тысяч квадратных метров. Поэтому, даже если половину этого пространства завалило, запас воздуха всё равно должен оставаться огромным. К тому же на объекте была установлена мощная система вентиляции и воздуховодов. Если шахты окончательно не разрушились, то паниковать точно рано.

«Так, спокойно. Дыши глубже. Воздуха на самом деле ещё много», – сказал я себе и снова побежал по коридорам, громко крича в пустоту.

К сожалению, потуги мои были тщетными. Никто не ответил.

«Хорошо. Первый и второй выходы завалены, – заставил себя рассуждать я, сдерживая дрожь. – Но, возможно, есть запасной?!»

Добежал до плана эвакуации, что висел на стене. Мой расчёт оказался верным: на схеме действительно значились два запасных выхода, о которых ранее я не знал. Один – в гараже, второй – в ремонтной мастерской. Только вот радости мне это открытие не принесло – оба этих помещения оказались под завалами и никак не улучшали моего положения.

Рассуждая о том, как ещё можно отсюда выбраться, вновь вспомнил о вентиляции.

«Нужно срочно найти планы коммуникаций. Возможно, через вентиляционные шахты получится попробовать выбраться наверх».

Мысль эта немного успокоила. Я глубоко вдохнул и кивнул сам себе.

«Впадать в уныние – самое глупое, что только можно сделать в моей ситуации. Человек сам кузнец своего счастья. И сейчас я это счастье, если придётся, невзирая ни на что, выковыряю из бетона голыми руками».

Я представил, как открою люк, проползу в темноту и вскоре вырвусь наружу к свету, где меня со смехом встретят однокашники и сотрудники объекта, после чего обязательно скажут, что всё это была одна большая шутка и розыгрыш. Такой образ действовал как бальзам: в груди появилось горячее желание что-нибудь предпринять.

Однако именно сейчас, в данную секунду, я твёрдо знал только одно: прежде чем думать об избавлении, необходимо срочно решить раздражающее и сводящее с ума дело – вырубить этот бесконечно заикленный текст, долбивший из динамиков, пока я полностью не сошёл с ума.

А ведь до сумасшествия оставалось совсем ничего. Ревущие из каждого висящего динамика слова «Внимание! Опасность! Всем покинуть объект!» буквально вгрызались в мозг.

Кроме этого пункта, нужно было постараться вернуть нормальное освещение. От мерцающего красного света в глазах уже рябило так, что казалось, будто стены сужаются и кружатся.

Зайдя в серверную, отметил, что управляющие компьютеры на удивление работают и почти не пострадали. Несколько мониторов погасли, но остальные светились, будто ничего не произошло. Вначале я опасался: вдруг питание вот-вот отключится? Но индикаторы на системных блоках горели ровно, и я, усевшись в кресло дежурного оператора, ощутил что-то вроде облегчения. Экраны работали. Курсор мышки двигался. И это уже было чудом.

Порывшись в интерфейсе системы жизнеобеспечения, довольно быстро нащупал нужные разделы. Разумеется, в первую очередь меня интересовало звуковое оповещение. Как только нашёл, незамедлительно выключил. Тишина обрушилась на меня почти физически – после долгого воя сирены она казалась неестественно звенящей. Однако звон этот был много приятнее, чем рёв и бубнёж зацикленной «пластинки». После секундного наслаждения безмолвием занялся освещением. Пара кликов, и вместо тревожного, мигающего красного света над головой мягко загорелись лампы с привычным желтоватым оттенком – настоящее, человеческое освещение, а не эта адская дискотека.

Я облегчённо вздохнул и осмотрелся. На мгновение у меня отлегло от сердца. Теперь всё уже выглядело не так мрачно, и даже казалось, что ситуация стала хоть немного контролируемой.

«Так, первый шаг к спасению есть. Попробуем шагать дальше».

Я уже почти улыбался, когда решил проверить главное – интернет. Открыл системное меню, посмотрел параметры сети и очень сильно расстроился – соединение не было доступно. Причём совсем. Ни проводное, ни беспроводное. Похоже, либо канал связи вообще никогда не был подключён к этой системе, либо авария оборвала все линии связи. Моё настроение резко скатилось вниз.

«Эх... будь тут сеть, можно было бы связаться с миром и хотя бы сообщение отправить, – подумал я, однако руки не опустил. – Не время ныть. Посмотрим, что у нас есть из других средств связи».

Снял трубку со стоящего на столе древнего телефонного аппарата. Это была не городская линия, а внутренняя.

«Может, на другом конце провода хоть кто-то ответит?»

Однако телефон молчал. Никакого гудка. Полная тишина. Я нажимал рычаг, крутил диск – ничего.

– Эх, жаль, что у нас у всех смартфоны забрали, – выдохнул я и со злостью ударил кулаком по подлокотнику, – ну кому они мешали, если это предприятие считается секретным условно?!

Никто из нас этой необходимости не понимал, но как оказалось, это было обязательное условие: объект якобы засекречен, и никакой связи с внешним миром быть не должно. Мы, как послушные студенты, сдали всё – от телефонов до флешек. Я только MP-3 плеер успел умыкнуть. В тот момент всё это казалось обычной бюрократией, теперь стало глупой ловушкой.

Снова проверил сеть – без толку. Осмотрелся по сторонам и заметил на полке несколько раций. Схватил одну и включил. В ответ шуршание и треск помех. Попробовал настроить частоту – пусто. Никаких голосов, только мёртвый эфир.

«Ну, хоть батареи живы», – подумал я, убавляя громкость.

При свете ламп обошёл помещения серверной, операторской и вышел в коридор, посмотрев на то место, где когда-то находился вестибюль. Чуда не случилось. Вокруг было всё так же пусто. Ни одного человека. Зато следов от жизнедеятельности тех, кто тут работал, осталось море. Переступая через хлам, стал осматривать то, что казалось мне более-менее ценным. Вскоре создалось впечатление, что, судя по всему, люди уходили с объекта в такой спешке, что бросили при эвакуации буквально всё: личные вещи, форму, документы и даже оружие. Так, на почти полностью заваленном грунтом центральном посту охраны обнаружил два автомата АК-74, магазины к ним, пистолеты, бронежилеты и каски. Там же – пропуска, связки ключей, часы, золотые цепочки и бумажники с деньгами и пластиковыми картами.

«Что же здесь произошло?... Почему даже охрана бежала, бросив оружие? Такого же не бывает».

На всякий случай после небольшого раздумья поднял с пола один из двух пистолетов Макарова. На военной кафедре я проходил курс, поэтому с ним обращаться умел. Проверил магазин, снял с предохранителя, снова поставил, а затем совершил правонарушение, сунув его

за пояс. Да, оружие не моё. И носить его я вообще права не имел. У меня не было ни разрешения, ни лицензии охранника, ни даже охотничьего билета. Однако сейчас явно внештатная ситуация. И нет сомнения в том, что внештатная ситуация требует внештатных действий. Вот подобные действия я и предпринял. Да по закону – у меня не было на это права, но зато теперь, имея при себе средство защиты, сразу же почувствовал хоть какое-то спокойствие.

Сделал пару шагов по коридору, но остановился и замер.

«Гм, если уж дело настолько серьёзное и тут совсем не понятно, что происходит, то оставлять бесхозным оружие, тем более огнестрельное и автоматическое – последнее дело», – сказал я себе и, вернувшись, сгрёб валяющиеся автоматы в охапку.

Всё найденные стволы сложил на кушетку у стены в компьютерной и снова сел за мониторы. Теперь, когда я уже понял, что выбраться из западни будет непросто, мне нужна была дополнительная информация. Чертежи, коммуникации, хотя бы полный план объекта. Без этого я находился в тупике.

Три часа я корпел над архивами. Снова и снова находил варианты выхода – и всякий раз они оказывались мёртвыми.

Вентиляционная шахта, ведущая из столовой? Забита, трубы обрушились, путь перегорожен.

Вентиляционная шахта, ведущая из жилых помещений? Слишком узкая и тоже частично сломана.

Лифтовая шахта № 2? Завалена.

Каждый раз надежда вспыхивала с новой силой – и тут же гасла.

«Ладно, не опускаем руки. Если есть вход – значит, должен быть и выход», – повторял я себе как мантру.

И наконец удача мне улыбнулась. На одном из найденных мной старых планов я заметил пометку: ЭЗВ № 7 – эвакуационный запасной выход. Он должен был находиться за стеной столовой.

Воодушевлённый, незамедлительно рванул туда. Пришлось поработать. Отодвинуть мебель и сорвать со стены пластиковые панели. За ними действительно обнаружилась металлическая дверь, которая, к счастью, оказалась закрыта всего лишь на древний заржавевший кованый металлический засов. Сбоку обнаружился заляпанный краской электрический выключатель. Щёлкнул. Старые лампы накаливания, висевшие на потолке внутри длинного широкого коридора, ведущего наверх, загорелись тусклым тёмно-жёлтым светом. Понятное дело, что не все; хорошо, если одна из пяти вообще была работающей; тем не менее коридор они освещали. Пахло сыростью. К моему удивлению и облегчению, при произошедшем землетрясении коридор не пострадал – лишь несколько кусков штукатурки да побелки валялись на полу.

– Уф-ф-ф! Неужели я нашёл выход отсюда?! – не веря своему счастью, прошептал я.

Сердце колотилось как молот. Я бросился через коридор к ещё одной двери, что находилась на противоположной стороне. Но у самой ручки замер. Деревянное полотно оказалось перекошено, будто его давило землёй снаружи.

«Неужели там тоже грунт и завал?» – пришла в голову ошеломляющая мысль.

Проверить это было легко, и я рванул ручку на себя изо всех сил. И – о чудо! – она пусть не сразу, но всё же поддалась! С глухим скрипом, от которого мурашки побежали по коже, дверь открылась, и передо мной оказалась крона кустарника.

Пахло свежим воздухом.

Сделал шаг и вдохнул полной грудью.

– Ну слава богу! Я на свободе.

Ночь стояла тёмная, почти чернильная, но, подняв голову вверх, звёзды я разглядел. Лес вокруг шумел ветвями, где-то вдали ухнула сова. Воздух был свежим, влажным – пахло землёй и весной.

Испытывая душевный подъём, хотел уже закричать во весь голос от радости, что остался жив, но не успел это сделать, потому что, осмотревшись по сторонам, и подняв голову вверх, задумался. И в первую очередь из-за того, что звёздное небо показалось мне очень странным. Расположение созвездий было будто бы не совсем привычное. Не так звёзды расположены в небе над Подмосковьем – совсем не так.

«А может, на самом деле всё так? Может, просто стресс и усталость. Поэтому-то и кажется странным то, что неизменно – что есть и было всегда?» – подумал я, стараясь прогнать сомнение.

Но оно засело где-то внутри, не желая отпустить.

Присмотрелся. Полярная звезда почему-то мерцала явно не на своём месте.

«Ну не там она должна быть! Не там, и всё тут!»

Сделал несколько шагов от выхода, всматриваясь в темноту. Мир казался живым, настоящим, и от этого было почти больно – после нескольких часов под землёй тишина и свежий воздух воспринимались как чудо.

Однако всё хорошенько обдумать я не успел. Из глубины помещений донеслось трескучее шипение, а затем – голос. Сначала тихо, но потом всё отчётливее и отчётливее:

– Заря-1! Заря-1! Я – Сокол! Наш самолёт сбит над территорией противника. Вы меня слышите? До точки высадки не долетели более ста километров! Где именно нахожусь, определить не могу! Из группы в живых остался один. Рация повреждена! Вышел в эфир на запасной частоте! Заря-1! Заря-1! Я – Сокол! Приём!

Я застыл в недоумении, а потом понял:

– Рация!

И, забыв про осторожность, забыв даже про то, что толчки землетрясения могут повториться и я буду погребён под землёй, рванул обратно внутрь – туда, где в тишине ещё потрескивала связь и кто-то звал на помощь.

Глава 2 Странные странности

Слова, донёсшиеся сквозь треск помех, будто врезались в мозг: «Заря-1! Заря-1! Я – Сокол!» Они звучали так отчаянно, что я не раздумывал. Сердце колотилось, в голове стучала одна мысль: «Кто-то живой, кроме меня! Кому-то удалось тоже выжить и выйти на связь!»

Но когда добежал до центрального поста, голос пропал. Рация, которая, как мне показалось, только что хрипела помехами и плевалась обрубленными фразами, теперь выдавала одно лишь шуршание – ровное, тягучее.

Я схватил микрофон, выдохнул и почти закричал:

– «Сокол», приём! Здесь база! Повторяю, база на связи! Отзовитесь!

Ответа не последовало. Лишь сухое потрескивание в динамике, словно кто-то проводил ногтем по старой пластинке. Попробовал переключить частоты, пройтись по диапазону, но везде стояла тишина.

Взял в руки аварийный трансивер, проверил настройки и сеть.

«Может это работал он?»

Но ни одной активной линии не было. Ноль. Судя по всему даже внутренний сервер не отвечал.

Попытался восстановить связь вручную – нашёл документацию, прописал адрес шлюза, пинганул узлы... всё впустую. Ни одного отклика.

– Ну хоть что-нибудь! – прошептал я, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. – Хоть сигнал, хоть помеху от соседней антенны!

Пусто.

Стараясь успокоиться, проверил телефонную трубку, надеясь, что, если сработала рация, возможно, и телефонная линия тоже заработала. Приложил к уху. Тишина. Ни гудка, ни щелчка. Перебросил переключатель на резервный канал – тот же результат. Проводная сеть мертва.

Снова вернулся к рации, настроил ручку громкости, выкрутил её до упора, и помещение наполнилось резким шипением. Казалось, вот-вот что-то прорвётся – знакомый голос, слово, хоть отголосок. Но нет. Только гул и треск, похожий на дыхание ветра в проводах.

«Тогда что произошло? Показалось? – мелькнуло в голове, и тут же пришёл ответ: – Вполне вероятно, что никакого вызова не было. Просто воедино сложилось множество факторов и психика дала сбой. Да по-другому и быть не могло: от усталости, от стресса, от духоты подземелья. Скорее всего, голос и не звучал вовсе, а только чудился. Но, с другой стороны, я ведь слышал чётко – позывные, интонацию, хриплый, усталый мужской тембр, будто человек говорил с усилием».

– Эй! – выкрикнул я. – Тут кто-нибудь есть? Ау! Отзовитесь!

Мой голос эхом прокатился по пустым коридорам, увяз в воздухе и поглотился стенами. В ответ – всё та же тишина. Только где-то в глубине объекта равномерно жужжали вентиляторы, синхронизируя свой шум с потрескиванием рации.

Покрутил головой и в этот момент остро осознал, что нахожусь не где-нибудь, а фактически в аварийном здании, которое мало того что в любой момент может обрушиться, так ещё и находится под землёй.

Пришло очередное понимание опасности.

«Надо выбираться, – сказал я себе. – Срочно».

Но мысль пронзила сразу: «А там темнота. Ни света, ни дороги. Один лес вокруг».

Машинально глянул на полки. Может, где-то валяется фонарь? Теперь найти источник переносного света стало для меня первоочередной задачей. Без него я в этом подземелье просто пропаду.

Порывшись в ящике у сплюснутого бетонной плитой пульта охраны, нашёл карманный фонарик. Тяжёлый, металлический, военного или полицейского образца. Вполне надёжный на вид. Щёлкнул переключателем – светодиод вспыхнул ярко-белым лучом. Отлично, заряд есть. Пара нажатий на кнопку, и свет перешёл от слепящего прожектора к ровному жёлтому. Там же, среди прочего разбросанного хлама, заметил забытый кем-то пакет с чипсами и пластиковую бутылку воды. Всё это, как ни странно, показалось мне спасением.

Выбежал из бункера, прижимая находки к груди. Там, снаружи, всё ещё царила ночь. Сделал пару глотков воды и, почувствовав, как немного отпускает нервная дрожь, включил фонарь. Необходимо было осмотреться и понять, где я нахожусь. Луч скользнул по кустам, по влажной траве и по склону оврага, из которого я выбрался. Запасной выход оказался на яру, в самом сердце густого кустарника. Где-то неподалёку тихо, едва слышно, журчал ручей.

Поднялся чуть выше, стараясь не споткнуться о торчащие там и тут корни деревьев, а вокруг только тёмный лес и неровный рельеф. Ни прожекторов, ни оград, ни признаков цивилизации.

Адреналиновая горячка потихоньку схлынула. По коже ощутимо поползла ночная прохлада, причём не очень-то и летняя. Градусов семь максимум. А вокруг простирался молчаливый, мрачный, чёрный лес.

Остановился и вновь осмотрелся по сторонам. Местность вокруг была полностью незнакомой. Да какая там местность! Сплошные заросли и ни одной не то что дороги, но даже тропы не видно. Прошёл чуть дальше между деревьями. Фонарь то и дело выхватывал из темноты коряги, кусты, мокрые стволы. На другом склоне, чуть повыше, заметил, как почва провалилась вниз, образовав трещину. Похоже, катастрофа сдвинула весь подземный комплекс. По моим прикидкам, тот находился ранее значительно глубже. А теперь... ну, судя по всему, все строения, что были в глубине, будто бы подняло вверх вместе с пластом земли.

Перейдя через узкую расщелину, вышел к болотцу. Вода в нём оказалась тёмной и неподвижной. Редкие слабые порывы ветерка кидали в лицо запах затхлости.

«Хорошо, что вода не попадает отсюда на объект, а то ведь и затопить может, – мелькнула мысль, и тут же пришло полное непонимание происходящего. – И кстати, откуда это болото взялось? Не было его ещё днём! Не было, и всё тут! Да и вообще, а где забор? Где дорога? Где хоть какие-то следы цивилизации?»

Я замер, оглядываясь. Всё исчезло. Ни ограждений, ни техники, ни вышек. Словно само место изменилось, став другим.

«Люди пропали, всё исчезло... Почему? Что, чёрт побери, произошло? Срочная эвакуация? Война? Но если война, то зачем бросать подземный комплекс? Здесь безопаснее, чем где бы то ни было. Разве что ожидался удар, способный уничтожить даже укреплённый бункер... Но это полный бред! Абсолютное несоответствие! Какой ещё удар, если это всего лишь мелкое предприятие, куда студентов на практику загоняют? Таких объектов в стране сотни, если не тысячи. В последние годы БПЛА стали символом прогресса и военной мощи – все государства наперегонки начали создавать новые модели. Мы, естественно, не отстаём. Но наш центр – это не «секретная лаборатория номер один», а всего лишь экспериментальная площадка. Одна из очень, очень многих! Неужели по такой незначительной цели вероятный противник, ну или хоть кто-то стал бы наносить удар в первую очередь? Нет, не похоже. Значит, эта версия несостоятельна. Значит – не война. Но тогда что?»

В задумчивости вновь поводит лучом фонаря вокруг – лес, кусты, болото. Всё казалось каким-то чужим, зловещим. Я стоял один посреди этого безмолвия. Тут вдруг до меня дошло: «А ведь здесь, кроме деревьев, могут быть и звери. Мы ведь не зря ставили подписи в журнале

по технике безопасности после нескольких инструктажей, где на одном из них минут пять нам твердили в разных формах – не выходить за огороженную территорию, особенно ночью».

На душе сразу же стало тревожно. Достал макаров из-за пояса и, оглянувшись, снял с предохранителя. Сжал рукоять крепче, чувствуя, как металл холодит ладонь. Тихо, стараясь не шуметь, вернулся к запасной двери, ведущей внутрь. Теперь нужно было решить, что делать дальше. Но уже ясно стало одно – тут я один, и никто меня спасти совсем не торопится. Более того, ко мне пришла мысль о том, что вряд ли вообще кто-то пока знает, что я нахожусь тут. В противном случае всё должно быть иначе и меня бы уже не только искали, но и, без сомнения, нашли. А раз этого не произошло, то очень вероятно, что никто меня искать и не собирается. Из этого следует лишь одно – выбираться из неприятности, в которую я ненароком угодил, мне предстоит самому.

В голове постепенно стал формироваться план. Сначала – переждать ночь. Утром рассветёт и всё станет значительно яснее. Тогда смогу осмотреться, понять, где я, что вообще произошло, и найти дорогу. Правда, почти сразу же в этом плане обнаруживалась как минимум одна существенная проблема: никакой дороги я так и не увидел. В лесу, что простирался вокруг, даже намёка на неё не было. Местность над объектом выглядела так, будто здесь никогда не ступала нога человека. Ни следов, ни старых троп, ни опорных линий. Конечно, для секретного объекта такая маскировка казалась плюсом, но ведь не до такой же степени! Когда нас сюда привезли, никто не завязывал нам глаза. Я видел сверху здания, асфальт, КПП, забор с колючей проволокой. А теперь – ничего этого не осталось. Ни намёка, что то место, куда нас привезли, вообще когда-то существовало.

Из всего этого можно было сделать крайне необычный, но вполне логичный вывод: после или во время аномального землетрясения объект сдвинулся, переместившись в какую-то другую местность.

Я поднял взгляд к небу, которое ранее мне показалось странным. Ночь была ясной. Звёзды – резкие, холодные. Но в них что-то было явно не так. Созвездия выглядели... непривычно. Орион висел выше, Большая Медведица чуть смещена. Да и другие созвездия, которые я изучал ещё в школе, казались расположенными не на своём месте.

– Куда же меня занесло?.. – прошептал я, чувствуя, как по спине пробежал холодок. – Это что, получается, стихия переместила исследовательское предприятие на десятки или даже на сотни километров?

Ответа, разумеется, не было. Только шелест ветвей и далёкое робкое кваканье болотных лягушек.

Никакой связи с миром. Ни тех же дорог, ни того же света. Но как мне тогда понять в какую сторону мне нужно будет идти? Ведь никаких привычных ориентиров вокруг нет. Очевидно, что прежде чем выбирать маршрут движения, для начала необходимо определиться, где именно я оказался. Но проблема в том, что сделать этого я не мог всё из-за того же отсутствия ориентиров. Сейчас что север, что юг, восток или запад для меня были одинаково чёрными, неизвестными и, возможно, опасными направлениями.

– А ещё эта проклятая ночь, – раздражённо выдохнул я, – хоть глаз выколи... Было бы утро, всё проще было б понять. А так... Эх...

Бессилие навалилось тяжёлой волной. Хотелось просто лечь на траву и закрыть глаза, рассчитывая на то, что, когда они откроются, это безумие закончится и всё окажется сном.

Но мысль, вспыхнувшая внезапно, пробилась сквозь усталость. Я вспомнил, что было сегодня днём, до катастрофы.

Когда нас только привезли сюда, расселили, накормили и провели первую экскурсию по предприятию, тогда-то и произошёл тот момент, который теперь показался важным. Мы зашли в одно из помещений объекта – лабораторию, где нам демонстрировали последние наработки. Среди них находился необычный дрон – полицейский, с экспериментальной системой управ-

ления. Кроме всего прочего, я вспомнил, что тот беспилотник имел систему ночного видения, а значит, мог летать и в тёмное время суток.

Это было как раз то, что мне сейчас и надо. Во всяком случае, хоть что-то. Не полное бездействие, а вполне годный план по собственному спасению.

Однако в его немедленном осуществление имела одна «небольшая» проблема: чтобы взять этот дрон, мне нужно вновь спуститься внутрь объекта, который находился в аварийном состоянии и в любой момент мог быть полностью погребён под грунтом.

Провёл лучом фонаря по склону, прикидывая – сколько тут земли над потолком. Метр, может, полтора, не больше. Комплекс существенно выдавило на поверхность.

Прошёлся вдоль склона, прикидывая шансы, а потом, тяжело вздохнув, сам себя попытался успокоить:

– Кажется, не провалится.

За пару минут убедив себя, что бетонные потолки такой вес, по идее, должны без проблем выдержать, махнул на всё рукой и побежал обратно вглубь, бормоча под нос одно и то же, как молитву:

– Хоть бы лаборатория уцелела... хоть бы не завалило.

Поворот. Ещё один. Узкий коридор с облупленными стенами. И вдруг – тупик. Завал. Камни, арматура, куски бетона.

– Не повезло, – выругался я, осветив табличку на двери. – Мастерская дронов.

«Ага, значит, не туда забрёл. Не лаборатория».

Подбежал к висевшему на стене плану эвакуации и направил свет прямо на схему. Нашёл красную точку – «вы находитесь здесь». Оказалось, что лаборатория расположена с другой стороны серверной. В общем-то, я об этом знал, но от всего кавардака, что был в реальности и в голове, просто забыл.

Быстро сообразил, где нужный поворот, и рванул обратно, стараясь не спотыкаться о провода и обломки. Через минуту дверь с нужной табличкой оказалась передо мной. Сердце колотилось, ладони липли от пота. Толкнул дверь – она поддалась с глухим металлическим скрипом.

Выключатель нашёлся на положенном месте. После того как зажёгся свет, стало очевидно, что стихия хоть и пощадила лабораторию, но совсем стороной не прошла. Помещение выглядело разгромленным – приборы валялись на полу, кое-где искрились оборванные кабели, но стены и потолок были целы.

Осмотрелся. Вот тот самый стол, за которым когда-то сидел инженер и, демонстрируя образец, объяснял нам его тактико-технические характеристики. Вот стеллажи с прототипами, контейнеры, аккуратно подписанные бирки – всё на своих местах.

И тут взгляд зацепился за знакомый чемодан.

– Есть! – выдохнул я, бросаясь к нему.

Полицейский дрон – изделие № 7777777, тот самый «Семицветик».

Инженеры, рассказывающие о нём, шутили, что такое имя ему дали за семь каналов управления и семь режимов полёта. Впрочем, один из них добавил, что всё это не так, и им просто понравилось само сказочное название. Ещё изделию, как рассказал словоохотливый работник, пытались выдать клички «Сорок девятый», потому, что семь на семь – сорок девять, «Семён» и «Семафор», но эти, в отличие от «Семицветика», не приклеились. С неформальными названиями так бывает – иногда заходят, а иногда нет. Впрочем, сейчас всё это оказалось абсолютно не важно, главное, что меня заботило, – его функциональность. Нам объясняли, что этот прототип предназначен для правоохранительных структур – для предотвращения нарушений, слежки и фиксации преступлений. Он был не просто «глазами в небе», а ещё и «голосом закона». Беспилотник оснастили динамиками, микрофоном, системами захвата – двумя лёгкими манипуляторами, способными поднимать небольшие предметы или разбрасы-

вать листовки. По задумке дрон способен не только фиксировать правонарушения, но и даже вручать повестки под видеозапись. Работать он мог при любой погоде и в любое время суток, для чего был оборудован прибором ночного видения, навигационным трекером, независимым от GPS и ГЛОНАСС автопилотом и продвинутой системой привязки к местности.

На экскурсии нам это казалось забавным. Тогда мы шутили, что скоро за несданную курсовую к нам домой будет прилетать такой вот «Семицветик» с приказом на отчисление.

Но сейчас уже давно было не до шуток, ведь этот дрон мог спасти мне жизнь.

Поднял чемодан, проверил замки и быстрым шагом направился к выходу.

Снаружи всё осталось по-прежнему: темно и тихо. Поставил кофр на землю, открыл. Внутри был корпус, сложенные лопасти, аккумулятор, очки управления, планшет и набор инструментов. Осмотрев конструкцию, понял, что большая часть уже собрана – видимо, готовили к демонстрации, но не успели закончить. Значит, эту работу предстояло завершить мне.

На случай, если будет ещё одно землетрясение – тогда я быстро выпрыгну наружу, расположился у двери в коридоре.

Разложил на покрытом старой коричневой плиткой полу детали, нашёл в пластиковой папке бумажную инструкцию, прикинул, что да как, соединил и подключил нужные кабели, после чего прикрутил винты. Аккумулятор был тяжёлый и оказался полностью заряженным – индикатор горел ровным зелёным светом. Закончив сборку беспилотника, надел очки. Экран мигнул, и перед глазами появилась картинка – пустой чёрный фон с надписью «*NightVision: OFF*».

– Так... где тут включается? – пробормотал я, нащупывая сенсорную панель сбоку.

Клик. Мир окрасился в зелёные тона – ночное видение заработало. Картинка чуть шумела, но всё было видно: деревья, склоны оврага, собственные руки.

И тут я заметил в меню пункт Thermal. Любопытство взяло верх. Щёлкнул. Экран переливался оттенками синего и оранжевого. Я замер.

– Да ладно... Тепловизор? Серьёзно? – выдохнул я. – Ничего себе. Вот это да...

Снял очки и, ещё раз убедившись, что всё собрано до конца, аккуратно активировал «Семицветик». Лопасти дрогнули, ожили, и в ночи зазвенел тихий гул электродвигателей. Подняв дрон в воздух, почувствовал почти физическое облегчение. Теперь у меня был «глаз» – средство разведки, которое давало мне шанс понять, где я оказался.

На экране перед глазами замелькали зелёные кроны. Я поднял коптер выше. Вокруг, насколько хватало обзора, тянулся сплошной лес. Повернул камеру, с другой стороны – болото, за болотом – озеро.

Не увидев признаков цивилизации и хоть кого-то, кто мог бы мне помочь и вызвать спасателей, решил вначале полететь на север. Минут через десять полёта, когда контуры деревьев начали редеть, впереди показалась деревня, и я облегчённо выдохнул. Там, без сомнения, должны быть люди, а это значит, что я смогу вызвать спасателей и вообще сообщить о произошедшем.

Однако по мере приближения дрона к населённому пункту меня стали посещать странные мысли о том, что в данном населённом пункте вообще никто не живёт. Начало казаться, что деревня эта не настоящая, а мираж – ряд деревянных домиков, крытых тесом, узкая дорога, никаких огней. Ни фонарей, ни проводов.

– Заброшка? – предположил я.

Но нет. Дома стояли ровно, крыши целые, заборы на месте. Только всё выглядело каким-то нереальным, каким-то... старым, что ли. Очень старым. Ни одного кирпичного строения. Ворота распахнуты, двери настежь. Пусто. Ни движения, ни света.

«Ладно, – подумал я. – Возможно, просто деревня без электроснабжения. Люди спят... но, гм, с другой стороны, почему всё открыто? И почему нигде нет следов современной жизни? Где автомобили, мотоциклы или, скажем, трактора?»

Ничего этого не было. Навёл камеру на дорогу. Она была не асфальтовой, не щебёночной – обычная грунтовка, как в деревнях, которые прогресс цивилизации обошёл стороной.

– Что за бред... – хмыкнул я и потянул дрон дальше на север, двигаясь вдоль кромки леса.

Через несколько километров показалась ещё одна деревушка. Та же картина: ни асфальта, ни современных построек. Только деревянные столбы, старые, с керамическими изоляторами. Пригляделся – даже провода выглядели тонкими, как будто медными. Ни стеклопластика, ни оптоволокну.

– Ничего себе... Это же... музей какой-то?

Я уже хотел повернуть назад, когда вдруг в поле обзора появились люди.

На окраине деревни стояли трое, потом пятеро... десять... У одного из домов были припаркованы два древних грузовика, с тарахтящими двигателями и освещающими улицу фарами. А рядом с ними обнаружился целый отряд человек в тридцать, которые были одеты в странную форму. Серо-зелёная ткань, каски, ремни...

Я моргнул.

– Серьёзно? Немцы?..

И тут в голове всё встало на свои места. Вроде бы.

«Аутентичные деревни – это не деревни вовсе, а сплошная бутафория!»

Стало очевидно, что в этой местности либо проходят съёмки исторического фильма, либо занимаются реконструкцией событий времён Второй Отечественной войны.

А по-другому и быть не могло. Не могло ведь, да?

Я не верил сам себе, но мозг отчаянно вцепился в на ходу придумываемое обоснование, напрочь отменяя детали, способные исказить логичное объяснение происходящего.

«Ну кто ещё может носить форму вермахта в лесу? Понятное дело – актёры! Очевидно, что это съёмки исторического фильма. Ну или фестиваль. Только, конечно, странно, что не видно ни камер, ни света, ни видеотехники вокруг. Впрочем, если речь идёт не о киносъёмках, а о реконструкции, то тогда всё более-менее нормально. И даже наоборот хорошо, ведь при отсутствии электроприборов современности всё выдержано в духе того сложного и страшного времени».

Некоторые «реконструкторы» держали в руках оружие. Пистолеты-пулемёты, винтовки. У парочки – поводки, на которых тянулись овчарки. Собаки лаяли, офицер кричал, отдавая команды. Сцена выглядела настолько убедительно, что даже мурашки пробежали по коже.

– Это что же за постановка такая? – прошептал я, борясь с накатывающей паникой.

Решив разобраться, я включил микрофон. Гул моторов беспилотника заглушил первые звуки, но потом я стал различать речь – резкие, чёткие фразы. Немецкого языка я толком не знал, но отличить его от других мог безошибочно.

«Потрясающе, – подумал я. – Даже говорят для правдоподобия на немецком. Ну и реализм! Очевидно, что актёры учили свои роли не один день. И круто выучили – не подкопаешься. Однако как не жаль, но придётся их репетицию немного обломать».

Снизил высоту, опустившись метров на десять над землёй, и решил, что пора обратиться к офицеру (который казался главным в группе) и попросить помощи.

– Здравствуйте, – произнёс я в микрофон, подключив динамики. Голос прозвучал громко и с хрипотцой. – Извините, что отвлекаю, но тут вот какое дело... Понимаете ли, я попал в несколько необычную ситуацию и...

Договорить я не успел...

Вообще тут стоит признать, что я совершил ошибку и своим неожиданным появлением напугал реконструктора. Оно, собственно, и понятно – ночь, аутентичность, а тут голос сверху!

Вот тот, вероятно, и напугался...

Да так, что повёл себя более чем странно.

Он вскинул голову, вытаращил глаза, упал на четвереньки, выкрикнул что-то вроде «Партизанен!» и, выхватив из кобуры пистолет, открыл огонь по дрону.

От такого поворота обалдел не только актёр, но и я. В первые секунды даже не поверил – звуки выстрелов были слишком реалистичны. Вокруг буквально засвистели пули. А уже через секунду в объективе стало мелькать множество вспышек – к первому реконструктору присоединились остальные члены отряда.

– Да подождите вы! Я только спросить... – крикнул я.

Но мой голос уже давно никто не слушал. Воздух наполнился шумом, а микрофон стал улавливать не только свист и грохот от выстрелов, но и присоединившийся ко всему этому гвалту лай собак.

Прекрасно понимая, что что-то пошло не так, резко потянул ручку управления, и дрон взвился вверх. Сердце колотилось.

Первая мысль была вполне логичной: «Вы с ума сошли! Это же техника! Вы же её подстрелите, идиоты! Она разлетится на куски, а я потом за неё деньги платить буду!»

Но за этой мыслью пришла другая – более холодная: «Почему из их бутафорского оружия летят настоящие пули?»

Я видел вспышки. Слышал эхо и свист. Это не петарды, не холостые. Настоящие выстрелы.

– Чёрт, – выдохнул я, уводя дрон выше, пока стрелки не превратились в крошечные точки. – Это что за психи такие?..

В голове роились версии – одна бредовее другой.

Но после размышлений пришёл к одной вроде бы единственно правильной: «Сумасшедшие больные вырвались из психушки и, ограбив военный музей, решили отдохнуть на природе!»

Другого логичного объяснения произошедшего у меня попросту не было, да и быть не могло. Поведение реконструкторов оказалось совершенно неадекватным.

– КАЗЛЫ! – на прощание крикнул я в динамики со злости и, пытаясь успокоиться, взял курс дальше на север, стараясь при этом не терять высоту.

А внизу, подо мной, мелькали старые дома, поля, дороги – будто кадры из чужой эпохи. И чем дальше я летел, тем сильнее становилось чувство, что всё это не декорации.

Километрах в трёх от места недавнего безумия наткнулся на ещё одну деревню. Та же темень, ни единого огня, только бледные очертания домов, словно вырезанных из чёрного картона. Дорога вела прямо к центру, где стояли несколько фигур и грузовик.

Я сразу понял – история повторяется. Те же актёры, та же форма, та же сцена, только тут в довесок к автомобильным фарами площадь освещает ещё и фонарь на столбе, запитанный от генератора. И как только я попытался обратиться, мол, «граждане, не дадите смартфон позвонить?», толпа снова ожила, будто по сигналу режиссёра. Треск выстрелов. Пули свистят. В небе мелькают вспышки. Всё точь-в-точь как под копирку.

Я вздохнул.

«Ну ясно, сегодня, похоже, в какой-то психиатрической лечебнице день открытых дверей».

Повернул дрон на восток, решив отлететь подальше от этих неадекватов. Однако не успел толком отдышаться, как на горизонте снова показались огни – два грузовика, вокруг которых шевелились люди. Всё то же – форма времён Второй мировой, каски, автоматы.

Я даже снижаться не стал, потому что уже не сомневался: как только подлечу ближе – начнут стрелять.

Теперь направил своего воздушного соглядатая на юг.

В первой же деревне, что попала по пути, картина повторилась в точности. Те же странные люди, те же машины, та же пугающая аутентичность.

«Да что же это за массовая реконструкция такая? Не может же такого быть!» – недоумевал я, на этот раз ведя дрон по направлению к западу.

И вот там среди темноты я заметил отблески огня. Приблизился, и сердце невольно замерло.

На поляне догорал самолёт. Искорёженные дымящиеся обломки казались до боли настоящими. Судя по силуэту, это был транспортник. Даже издали силуэт узнавался безошибочно – крыло с характерным изломом, большой фюзеляж, прямоугольные иллюминаторы. Я видел такие машины только в хронике, но сейчас перед глазами было не кино. Всё выглядело слишком достоверно.

Когда подлетел ближе, увидел группу так называемых «немцев». Они оцепили место крушения – человек сорок, не меньше. В центре, среди пламени и дыма, стояли трое офицеров в фуражках с кокардами. У их ног лежало пять тел в лётной форме. Я сначала подумал, что это актёры, изображающие погибших пилотов. Но тела лежали слишком неподвижно. Совсем неподвижно.

Приблизив камеру, всмотрелся внимательнее. Кожа – бледная, неровная. Глаза не двигаются. Слишком реалистично для муляжей и уж тем более для людей, которые просто «играют сцену». Щёлкнул тепловизором – никакого следа лётчика не оставляли, сливаясь с температурным фоном, в отличие от разбитого самолёта и стоявшего рядом оцепления.

– Манекены, – успокоил себя я. – Просто очень качественные. Фильм, видимо, с хорошим бюджетом.

Недалеко стояли два грузовика и несколько легковых автомобилей довоенной эпохи. Всё выглядело дорогим, исторично, с любовью к деталям.

«Только вот опять же вопрос: где камеры?»

Оглядел горизонт. Ни прожекторов, ни осветительных установок, ни людей в гражданском. Та же тишина.

«Может, съёмка ведётся с помощью беспилотников? Какой-то новый экспериментальный фильм решили сделать? – подумал я. – Какая-то новая технология. Почему бы и нет?»

Снова переключился на тепловизор и стал методично сканировать местность. Пять минут водил камерой, но ни одного следа техники не нашёл. Никаких других дронов, никаких сигнатур двигателей.

«А может, это такое реалити-шоу? Скрытные миникамеры на каждого участника повесили и смотрят, как тогда действовали люди? Сделали, так сказать, два в одном – и реконструкция прошлого, и заодно пиар развернули для каких-нибудь будущих киносъёмок?»

Пока я старался справиться с потоком мыслей, «немцы» начали движение. По приказу офицера цепь солдат развернулась и пошла в сторону леса.

Задумался, сопоставил направление – и понял, что все предыдущие группы, на которые я наткнулся, шли именно туда.

«По сценарию, видимо, там находятся наши», – догадался я и направил дрон вслед.

Минут через десять полёта над кронами умный беспилотник обнаружил первые признаки движения и обратил на них моё внимание, подсветив контуром. В развалинах возле небольшой рощицы были обнаружены двое мужчин. Один лежал, другой сидел рядом, что-то делал с рацией. Даже без тепловизора было видно, что один из них ранен. Второй двигался с трудом, прихрамывал.

Я добавил микрофону чувствительности. Звуки стали значительно чётче.

– Потерпи, товарищ капитан, – сказал парень, опускаясь на колени. Голос дрожал, но был твёрдым. – Сейчас попробую вызвать наших.

Я замер. Они играли так, будто действительно жили этим моментом. Без фальши, без театральности. Настоящее отчаяние, настоящая боль.

У меня внутри всё сжалось. Сцена была настолько живая, что хотелось вмешаться, помочь.

«Интересно, – подумал я, – а с другой стороны этого леса тоже немцы обкладывают?»

Навёл камеру – и действительно: в двух соседних деревнях тепловизор показал крупные скопления людей. Судя по характерным очертаниям – снова «немцы». Однако, повернув «око» на северо-запад, увидел, что там осталась одна полностью пустая деревня. Ни одного источника тепла.

Направился посмотреть, почему там у реконструкторов случился пробел, и вскоре обнаружил причину. Километрах в трёх отсюда был замечен грузовик, вокруг которого суетились десятка два человек. Один офицер размахивал руками и явно кричал на водителя. Тот что-то отвечал показывая на капот, откуда валил пар.

«Закипели», – понял я.

Судя по всему, именно это и стало причиной, из-за которой они не смогли добраться до места съёмки.

«Ясно, значит, кульминация будет там, у развалин», – решил я и вернулся дроном на позицию, где оставил «наших».

Парень снова возился с радиостанцией. Я слышал потрескивание, короткие щелчки, обрывки слов.

– Заря-1! Заря-1! Я – Сокол! – донеслось вдруг так ясно, будто он говорил прямо в мои уши.

Я подпрыгнул.

«Ага! Так это же тот сигнал, который я случайно поймал через свою рацию! Значит, то был не глюк! Значит, передатчик у него настоящий!»

Я быстро переключился с тепловизора на обычный режим, чтобы разглядеть лицо. Молодой парень, лет двадцати, может, чуть больше. Светлые волосы, усталое, но твёрдое выражение лица. Взгляд сосредоточенный, решительный. Он массировал ногу – видно, что болит. Рядом неподвижно лежал его товарищ.

Я снова включил тепловизор... и через пару минут моё сердце ухнуло куда-то в давящую бездну. Тело рядом на температурном сканере выглядело не намного теплее окружающей среды, градусов на пять. А это означало одно – тепло безвозвратно уходило. Навсегда.

– Нет... – выдохнул я.

Это не был манекен. Даже самый требовательный реквизитор под самым вьедливым режиссёром не будет заморачиваться подогревом манекена, потому что это ни к чему! И не был это актёр, ведь даже самый талантливый актёр в самом строгом сценарии не сможет впасть в анабиоз, понижая температуру тела.

Передо мной умирал человек...

Секунда, другая – и вот лицо погибшего стало серым, неподвижным.

Парень рядом резко поднял голову, будто что-то почувствовал, сжал кулаки.

И в этот момент у меня закружилась голова. Всё, что я видел последние часы – разбитая лаборатория, странные деревни, старые грузовики, немецкая форма, горящий самолёт, – вдруг сложилось в одну страшную, ошеломляющую картину.

Это не съёмки. Не реконструкция. Не игра.

Я находился в середине леса, в настоящей военной зоне, а вокруг шла война. Та самая война.

Мысль была настолько безумной, что мозг отказался её принимать. Всё привычное бытие буквально рушилось на глазах. Время, логика, мир – всё трещало по швам.

Но растерянность длилась лишь мгновение. Сердце забило как мотор. Страх уступил место инстинкту.

Необходимо было узнать правду. И узнать её сейчас я мог лишь у того, кого в случае правоты моей догадки нужно самого спасать – причём срочно!

Глава 3 Младший лейтенант

Родился Сергей Алексеевич Кудрявцев в подмосковной Коломне в 1922 году, в семье рабочего и колхозницы. Отец – Алексей Иванович – трудился на Коломенском машиностроительном заводе, гудки его смен с детства были для Сергея звуком дома, чем-то вроде бие-ния городского сердца. Мать, Анна Фёдоровна, работала в местном колхозе «Красная заря», на молочной ферме: вставала затемно, возвращалась поздно, но при этом находила силы и на детей, и на хозяйство, и на добрые слова, которые запоминались надолго.

Кроме Сергея, в семье было ещё трое детей – старший брат Павел и две младшие сестры, Катя и Лида. Дом их стоял на окраине, за садом, где летом пахло яблоками и нагретым железом – отец любил мастерить, делал сам инструменты и учил сына понимать технику.

Сергей рос тихим, внимательным, упрямым. После школы пошёл работать на тот же завод, где трудился отец: сначала токарем, потом наладчиком. Вечерами учился – поступил на вечернее отделение Московского электротехнического института связи. Работать и учиться оказалось тяжело, но он верил, что это нужно стране и что впереди ждёт большое будущее, где не будет ни бедности, ни страха.

Когда началась война, ему было девятнадцать. Как и весь его курс, он подал заявление пойти добровольцем. Однако в военкомате ему ответили: «Дождись защиты диплома. Инженер нам нужнее, чем обычный боец. А там и видно будет». Это казалось несправедливостью. Пока другие шли на фронт, он, сжимая кулаки, чертил схемы и вычислял силу тока в проводах.

Зимой сорок второго Сергей наконец защитил диплом – и в тот же день получил повестку. Но и тут судьба словно снова подшутила: на фронт его не направили, а распределили на завод – наладчиком радиооборудования. Он работал добросовестно, но сердце снова было не на месте. Каждое утро начиналось со сводок, что он слышал по висевшему на стене репродуктору, каждая ночь – с мыслью о тех, кто воюет, а он – тут, в безопасности, сытости и тепле. И в конце концов юноша не выдержал и серьёзно поговорил с отцом. Тот с тяжёлым сердцем, невзирая на крики и плач жены, согласился помочь и через знакомых в военкомате устроил разговор с нужными людьми. И это помогло – вскоре Сергея направили в разведшколу, где тот стал учиться на радиста.

Обучение шло быстро. Сергей оказался способным учеником, схватывающим всё на лету: азбуку Морзе, кодовые таблицы, обращение с портативными радиостанциями. В связи с тем, что у него уже было техническое образование, преподаватели весьма ценили таких слушателей. Через три месяца, досрочно окончив курс, Кудрявцев получил звание младшего лейтенанта. А вскоре его зачислили кандидатом в группу, которой предстояло высадиться в тылу врага – в западных оккупированных областях СССР, где предстояло наладить связь и организовать партизанское движение.

Это было его первое боевое задание. Самолёт «ПС-84», переоборудованный в транспортник, вылетел ночью. Летели низко, над облаками, почти на ощупь. Но вскоре на горизонте мелькнули огни – это оказался немецкий ночной истребитель. Пилот, ведущий советский транспортник, попытался уйти в облака, но всё произошло слишком быстро: очередь трассирующих прошла корпус, и машина, охваченная пламенем, пошла вниз, так и не долетев до района высадки.

Приземление вышло страшным. Сергея просто выбросило из разорванного фюзеляжа, и он потерял сознание. Когда же наконец очнулся – всё вокруг горело. Воздух был густ от дыма и паров топлива. Разведчик бросился к обломкам – живым оказался только командир. Остальные – лётчики, радист, стрелок и двое других членов группы – лежали неподвижно и признаков жизни не подавали.

Понимая, что на место падения скоро придут враги, младший лейтенант взял всё самое необходимое – оружие, карту, компас, рацию, антенну для неё – и, перекинув раненого через плечо, стал уходить к далёкому лесу. Шёл долго, пробираясь сквозь кусты и завалы. Капитан тяжело дышал, но каким-то чудом держался. Через пару часов они добрались до разрушенного дома – полуразвалившейся избы на краю места, где когда-то была деревня. Там решили передохнуть.

Когда капитан Самохвалов умер, Сергей понял, что остался один. Он сидел на глиняном полу, прижимая к себе холодное тело командира и боевого товарища, и слушал тишину. Но вскоре тишина кончилась – где-то вдали залаяли собаки. Это был конец. Немцы шли по следу и наверняка частым гребнем прочёсывали все близлежащие населённые пункты и леса. В такой темноте и без ориентиров шансов уйти не имелось. Разведчик, невзирая на то, что рация, получив повреждения, работала нестабильно, всё же передал сообщение в «Центр», а потом поднялся, проверил магазин ППШ и вдохнул влажный воздух. Решимость сменила страх. Он был готов умереть, но не сдаться.

И в это время он вдруг услышал странное лёгкое жужжание, будто пчела пролетела совсем рядом. Потом звук стал чётче и ближе. Что-то мелькнуло за окном. В темноте глаз уловил силуэт какого-то незнакомого механизма размером примерно с чайник. Сергей мгновенно вскинул оружие, прицелился, но «нечто» метнулось вверх, скрывшись над поломанной крышей.

Он застыл, вслушиваясь.

«Что это?.. – подумал он. – Не птица, не снаряд, не мина. Может, немецкая штуковина? Новая разведка? Или что-то потустороннее – неземное?»

Как человек советский, воспитанный в духе материализма, в сверхъестественное он не верил. Но сейчас – один в темноте среди руин – он невольно одними губами прошептал:

– Боже... что это?..

Ответ последовал почти сразу – негромкий, глуховатый голос раздался будто из-под крыши:

– Привет, служивый...

Сергей отпрянул, дернул затвор, прижался к стене. Сердце билось, как перед боем. Он обшаривал глазами пространство, стараясь поймать цель в прицел.

«Кто это? Кто со мной говорит?» – мысли скакали.

Голос между тем продолжил, словно не замечая его напряжения. Он задавал вопросы – какой год, какой месяц. Кудрявцев насторожился, но, не считая эти «данные» секретом и пытаясь определить источник, коротко ответил.

Потом голос спросил о жизни – будто невпопад.

Сергей нахмурился.

– Не твоё дело! – бросил он зло. – Война идёт! Тут всякое случается!

Но «незнакомец» будто его не услышал.

– Ну да, война... если, конечно, ты не обманул, а сейчас и вправду 1942-й.

– А какой же ещё? – огрызнулся разведчик и раздражённо рявкнул: – Ты кто такой?! Отвечай!

Ответа не последовало. Только слабое гудение – словно жужжалка облетела дом и снова зависла под крышей.

– Значит, получается, вы не актёры, а люди... – наконец тихо произнёс голос. – И это всё по-настоящему... н-да, во дела... Извини, что на «ты» – просто растерялся.

Кудрявцев почти не понимал смысла слов, но решил не уступать:

– Если не ответишь, кто ты, я не пожалею на тебя все патроны! Пусть меня немцы возьмут, но и тебе не жить! – он хрипло добавил: – Ты сводишь меня с ума!

– Извини, – быстро сказал голос. – Просто тяжело понять то, чего понять непросто или даже невозможно. Впрочем, думаю, ты тоже в шоке. Ведь в вашем времени беспилотников ещё нет... или я ошибаюсь?

– Каких ещё... без пилотов?!

– Ну, БПЛА – беспилотные летающие аппараты. Дроны, – спокойно объяснил собеседник. – В вашем времени их же ещё нет?

Сергей моргнул, не зная, что ответить.

– Э-э... я не знаю... – не находя что сказать, прошептал младший лейтенант, а потом вновь повысил голос: – Вы не ответили, кто вы такой?!

– Меня зовут Николай. А вас?

– Сергей. Фамилию не назову.

– Понимаю – секретность – разведка – все дела.

– Гм, – хмыкнул Кудрявцев от такой догадливости и продолжил допрос: – Вы... человек?

– Да, – сразу же ответил голос.

– Карлик?

– Что? Нет, конечно. А почему вы так решили?

– Ну вы же летаете на какой-то, э-э, штуковине!

– А! Так она беспилотная. Я ею просто управляю. Внутри неё меня, естественно, нет.

– По радио! – догадался разведчик.

Где-то вдали снова залаяли собаки, и звук был на этот раз явно ближе.

– Верно, по радиоканалу. Пока батарея держит. Радиус – километров пятнадцать, может, двадцать, не больше, – ответил голос, и в нём впервые прозвучала тревога. – Но, чёрт, чего мы время теряем, говоря о всякой фигне?! Там немцы в двух километрах отсюда были. И они как раз сюда собирались направиться. Сваливать же надо! А мы тут с вами лясы точим!

Сергей обернулся к окну и всмотрелся в темноту.

– Куда уходить? Тут всё обложено, фриц, если вцепится – не оторвёшь! – прошептал он.

– Правильно, – согласился тот, кто называл себя Николаем. – Кольцо сжимается. Они прочёсывают все деревни. Сейчас, пока ночь, они только ещё разворачиваются, но к рассвету усилят поиск.

– Значит, всё... – выдохнул младший лейтенант.

В груди что-то оборвалось. Он ясно понял – отсюда не выбраться. Здесь, на безымянной земле, закончится его жизнь. Семья, скорее всего никогда не узнает, где и как это произошло.

Но сдаваться младший лейтенант не собирался.

«Живым уж я точно им не дам!» – подумал он, перехватывая оружие.

Теперь его мысли были об одном: как лучше занять оборону и атаковать противника внезапно, из засады. Конечно, шансов в одиночку остановить поисковый отряд у него почти нет. Но мысль о том, что он не погибнет бесславно, а заберёт с собой хотя бы пару-тройку гитлеровцев, грела душу и придавала странное спокойствие.

Он вновь проверил оружие и прислушался. Собаки лаяли ещё ближе, где-то в низине, вряд ли дальше километра. Ветер доносил их лай и отголоски немецких окриков.

Разведчик буквально почувствовал, как время его жизни уходит. Он вздохнул, поднялся и выбрал место у стены, откуда можно было обстреливать подходы, после чего снял предохранитель.

Но «жужжалка» – странное летающее устройство, что так и висело где-то под крышей, – подлетела чуть ближе и перешла на шёпот:

– Вы, как я вижу, тут воевать собрались? Но, может, в виду явного перевеса противника бросить эту затею? Возможно, в данной критической ситуации имеет смысл уйти отсюда в лес и попытаться выжить?

Сергей хмуро глянул в темноту и процедил:

– Так вы же сами сказали, что немцы всё окружили. Да я и сам слышу собачий лай со всех сторон. Обложили. Так что шансов нет – всё закончится здесь.

– Окружили, – подтвердил голос. – Но не совсем всё. – Потом кашлянул и пояснил: – Тут неподалёку есть одна пустая деревня. Туда немцы пока просто не успели доехать – сломались по дороге. Так что, если вы поторопитесь, мы сумеем их опередить.

– Мы? – насторожился младший лейтенант.

– Конечно, – спокойно произнёс голос. – Или вы сомневаетесь, что я на вашей стороне?

– Сомневаюсь, – отрезал Кудрявцев. – Я не знаю, кто вы, откуда взялись, откуда у вас этот самолёт и каковы ваши намерения.

– Отвечаю по порядку, – раздалось из темноты. – Я уже вам сказал: меня зовут Николай. Я не из этих мест. Самолёт... вернее, устройство разработано моими товарищами, которые в данный период времени отсюда очень далеко. Что же касается намерений – сейчас, увидев ваше отчаянное положение, у меня есть лишь одно желание: помочь.

Сергей скривился.

– А почему я должен вам верить?

– А почему бы и нет? – парировал голос. – Что вы теряете? Будь я за немцев, не стал бы разговаривать. Просто передал бы им ваши координаты, и вот тогда уж действительно было бы всё. Но я-то это не делаю, и можете мне поверить – не собираюсь этого делать и в дальнейшем.

С этими словами трудно было спорить. Но Кудрявцев знал, что немецкая разведка – особенно Абвер – мастера уловок и провокаций. Об этом им не раз говорили инструкторы в разведшколе – враги могут разговаривать и ласково, и по-дружески, а всё лишь для того, чтобы вытянуть нужную информацию.

Он озвучил свои подозрения вслух. И очень удивился, когда голос неожиданно рассмеялся – негромко, но с какой-то живостью, даже человеческой теплотой.

– Хорошо, допустим, я за немцев и хочу вас «перевербовать». Скажите, какую ценность вы собой представляете? Я не про личность, а чисто с точки зрения военной пользы. Если бы вы были разведчиком за границей, то тогда другое дело. В таком случае тот же Абвер, завербовав вас, мог бы кормить ваш «Центр» дезинформацией – это хотя бы понятно. Но вы не за рубежом. Так какой смысл в вашей вербовке? Давайте просто прикинем чисто гипотетически. Ну завербую я вас, но ведь на это уйдёт уйма времени. А потом что мы с вами будем делать? Забросим туда, куда вы летели, но не сумели попасть? Ну, допустим, что это произошло, и вот вы там, в этом, скажем, партизанском отряде, например, через пару недель оказались весь такой завербованный и готовый всех и всё сдать новым кураторам. И что, вам то партизанское начальство сразу доверит все тайны, если вы неизвестно где пропадали полмесяца? Да нет – вас будут проверять от и до, пытаясь поймать на противоречиях в показаниях. И, скорее всего, очень скоро вы на чём-нибудь да проколётесь, по-другому и быть не может. Самолёт исчез, лётчики и другие члены группы пропали, а вы живой-живёхонький появляетесь неизвестно откуда: «Здрасте! Это я!». Да ваш «Заря-1» такую вам проверочку устроит, что ни один Абвер не выдержит, ещё и завидовать будет. А если каким-то чудом и пройдёте её, то впоследствии всю жизнь будете под подозрением, и, конечно же, к секретам вас в дальнейшем никто не подпустит. И доверять не будет. Так что не мучайте себя – я не из немецкой разведки.

Сергей задумался. Озвученные аргументы звучали вполне правдоподобно. Но привычка не верить сразу сидела в нём крепко.

– А из какой? Японской? Английской? – резко бросил он, решив взять собеседника «на слабо».

– Нет, вовсе не из разведки, – спокойно ответил голос. – Я студент. Будущий инженер. Просто так вышло, что сейчас летающее устройство оказалось у меня.

Эта фраза сбила Кудрявцева с толку.

«Студент? Инженер? Война, кровь, немецкие собаки, и тут – какой-то студент, говорящий через летающий механизм... Ну разве это не фарс?!»

В другой раз он бы обязательно, с удовольствием посмеялся над этой комедией, если бы не было так жутко.

– Но как вы меня выведете, если вокруг темно? – спросил он с нажимом, пытаясь поймать в голосе ложь.

– Скажу вам направление и буду корректировать.

– А вы... вы можете видеть в темноте! – вдруг догадался Кудрявцев, вспоминая, как странно легко тот маневрировал в ночи.

– Точно, – подтвердил Николай. – Вы правильно угадали. Только я-то сам видеть не могу, а вот беспилотник – может. Так что ночь нам не помеха. Поэтому если вы наконец решитесь и мы поторопимся, то, думаю, вполне смогу вывести вас из западни.

Сергей молчал, в который уже раз вглядываясь в темноту. Снова слышался лай. В груди в который уже раз сжалось. Он понимал: ещё немного – и их найдут.

– А что взамен? – хрипло, будто через силу спросил он, решаясь.

– Ничего, – спокойно ответил голос. – Только удовлетворение от того, что помог нашему воину.

Кудрявцев насторожился. Слова прозвучали искренне, без показного пафоса, как будто тот действительно считал себя частью общего дела.

– И что будет, когда... если я выберусь? – спросил он.

– Да ничего. Идите потом куда хотите. Я мешать не собираюсь. А сейчас напоминаю – немцы уже рядом. Если не поторопитесь, шансов выжить у вас почти не останется.

Всё, что происходило, походило на бред. Летающая «жужжалка», голос неизвестного, уверяющий, что он «не из этих мест», и при этом говорит как свой.

Но что, если это действительно шанс? Пусть странный, невероятный, но шанс.

«Ладно... – подумал он, глядя в окно, где дрожали отблески луны. – Поверю. Пока поверю. А там видно будет».

И он пошёл в темноту...

От очередного за последний час предложения голоса выкинуть радиостанцию младший лейтенант категорически отказался. Это было единственное, что связывало его с миром, частью которого он ещё надеялся быть. Ведь сломанную рацию, возможно, всё ещё можно было починить. И тогда...

Он не знал, что будет «тогда», а просто шёл уже несколько часов, спотыкаясь и временами теряя равновесие. В сапогах хлюпало, ноги налились свинцом, а одна из них – та, что была ранена, плохо слушалась.

Всё это время беспилотник парил впереди – тихий, как ночная птица. Только тонкое гудение пробивалось в паузах между шагами и стуком сердца. Шёпот из динамика, сдержанный, но уверенный, направлял его короткими командами, словно опытный командир, ведущий разведчика через минное поле.

– Дальше держитесь левее, – шептал он. – Там просёлок, идите по кромке, не выходите на открытое место.

Младший лейтенант слушался. Он давно уже не пытался рассуждать, просто выполнял указания. Сил на размышления попросту не осталось. Лишь воля – неустанно идти вперёд до проклятого далёкого леса.

Когда добрались до окраины той пустующей не занятой врагами деревни, о которой ранее говорил голос, «жужжалка» замерла в воздухе, словно приюхиваясь. На мгновение раздался слабый треск, а потом голос едва слышно прошептал:

– Немцы. Двигаются с запада. Две группы. Мы пойдём через огороды, потом вдоль ручья. Я подскажу, но нужно торопиться.

Дрон отлетел в сторону и поднялся выше, вероятно, чтобы не выдавать их присутствие звуком мотора. Сергей двигался почти на ощупь, луна спряталась за облака, а вся деревня будто вымерла. Пустые дома стояли, чернея провалами окон, как выжженными глазницами.

Кое-как боец добрался до леса. Там вновь появился шёпот сверху:

– Среди деревьев мне лететь трудно. Лопасты могу поломать. Полечу над кронами, а вам держать направление, по которому вы и движетесь – на юг – юго-восток.

Сергей кивнул, хотя понимал, что дрон жест этот, возможно, и не увидит. Жужжалка поднялась, и вскоре её гул растворился в шуме ветра.

Разведчик опять остался один, и ему снова предстояло идти. И он шёл, цепляясь за ветви, пробираясь через густую чащу и поваленные деревья. Мокрая кора скользила под ладонями, колючие кусты царапали тело и норовили вцепиться в лицо. Каждый шаг отдавался в спине и ноге тупой болью. Рана с каждой минутой начинала болеть всё сильнее и сильнее.

Когда Кудрявцев доковылял до опушки, беспилотник спустился с неба, будто появившись из ниоткуда.

– Идите этим же курсом, не сворачивайте, – произнёс голос. – Я должен улететь на базу, зарядка заканчивается. Прилечу через полчаса.

Миг – и аппарат исчез в светящем небе. Сергей, отдыхая, смотрел ему вслед, пока силуэт не растворился среди звёзд и наконец вышедшей луны.

«Что это вообще было? Какая к чёрту маленькая беспилотная авиация? – мелькало в голове. – Откуда она взялась? Какая страна способна на такое? Это ведь невозможно! Даже у немцев нет ничего подобного».

Он двинулся дальше и, чтобы прогнать горестные мысли о своём положении, стал перебирать все известные ему конструкции – самолёты, автожиры, даже реактивные снаряды, о которых ходили слухи. Но к летающему чайнику ни один из перечисленных видов моделей никак не подходил.

«А двигатель? Где у этого самолёта хранится топливо? Где бак? Ведь он должен быть большим, раз он столь долго летает! А тот самый упомянутый Николаем аккумулятор? Как всё это помещается в таком малом фюзеляже? – мысли сыпались одна за другой. – Нет, не может такого быть. Скорее всего, я просто вымотался. И всё это мне привиделось».

Он стал убеждать себя, как раненый убеждает себя, что кровь не своя.

«Устал, голова не варит, нервы на пределе. Вот и видится то, чего не может быть. Галлюцинация. Или бред перед смертью».

Через некоторое время силы младшего лейтенанта практически иссякли, и он понял, что больше не может идти. Разведчик нашёл в зарослях небольшое углубление между корнями старого дуба, устелил землю несколькими сорванными ветками и лёг. Тело ныло, нога на каждое движение отзывалась мучительным взрывом где-то внутри, но запредельная усталость дала о себе знать. Он едва успел закрыть глаза, как его мгновенно накрыл сон, оставив за краем сознания пострадавшую конечность.

Сергей шёл босиком по бескрайнему полю. Трава под ногами была мягкой, влажной и золотистой от солнца. Над головой синело чистое бездонное небо. Лёгкий ветер нежно гладил лицо, где-то вдали умиротворённо журчала река и пели жаворонки. Всё так спокойно и красиво до невыносимости.

И вдруг – жужжание. Сначала тихое, потом нарастающее. Сотни, тысячи, десятки тысяч пчёл летели к нему со всех сторон. Они обступили его, закружились, и среди гула раздался человеческий настойчивый голос, который монотонно забубнил:

– Товарищ! Просыпайтесь! Пора уходить! Товарищ радист, подъём!

Кудрявцев дёрнулся и открыл глаза. Над ним серело небо. Уже рассвело. Холод пробирал до костей. Он резко сел, вспомнив, где находится. Огляделся – оружие было у него в руках. Облегчённо выдохнул.

И тогда увидел – прямо перед ним, чуть покачиваясь в воздухе, висела та самая «жужжалка». Маленькая, металлическая, с гладким телом и четырьмя вращающимися винтами. На корпусе еле-еле видно поблёскивали крохотные огоньки, а под брюхом – нечто вроде глаза-объектива и несколько металлических клешней.

Он уставился на неё, не веря глазам.

«Так вот ты какая, хреновина говорящая... Так это был не сон?!»

Для человека, хоть и видевшего танки, самолёты, броневики и даже первые радиолокационные установки, находящееся рядом чудо казалось невозможным. Ни одного винта спереди, ни следа двигателя внутреннего сгорания, никаких тросов или проводов. Только плавный блеск металла и уверенное зависание в воздухе. Не аэродинамика, а самое настоящее волшебство.

– Вы способны идти? А то я вас еле-еле добудился, – произнёс аппарат.

Голос тот же – спокойный, но усталый.

– Куда? Где мы находимся? – хрипло спросил младший лейтенант, вытерев выступившую на лбу испарину. Его бил озноб.

– Я увидел, что вы уснули, и, убедившись, что вам ничего не угрожает, немного полетал, – сообщил голос. – По косвенным признакам мы находимся западнее города Согравск. Та деревня, рядом с которой упал ваш самолёт, называется Никитино. А та, через которую вы проходили, – Борисовка. И если вы сказали правду и сейчас апрель 1942 года, то до линии фронта не менее ста километров.

– Я сказал правду, – буркнул Кудрявцев, доставая планшет с картой.

Карта была не секретная – обычная полковая схема местности, но показывать её непонятному механизму он не собирался. Закрыв рукой и стал искать глазами упомянутые места.

– Да не смотрю я, не смотрю, – усмехнулся голос, и беспилотник резко взмыл вверх.

Через минуту он вернулся. К этому моменту Сергей уже окончательно осознал своё положение. Если самолёт действительно разбился возле Никитино, то ситуация безнадежна. Территория давно под немцами, фронт далеко. В одиночку выжить – почти невозможно.

И тут боец заметил, что вся правая нога у него мокрая. Сквозь штанину, чуть выше сапога, проступало тёмное пятно. Пуля или осколок задела икру. Не смертельно, но идти с такой раной – пытка. К тому же сейчас у него заметно поднялась и температура. И это, очевидно, были последствия ранения.

Он поморщился и, стиснув зубы от резкой боли в ноге, поднялся.

– Вы ранены? – тут же спросил голос.

– Ерунда. Идём дальше, – отмахнулся Кудрявцев и добавил: – Что там с немцами?

– Рыщут по округе. В лес глубоко не заходили, но развалины, где вы прятались, нашли и тщательно осмотрели.

Разведчик кивнул. Размял ногу, оперся на ближайшее дерево, вздохнул и, аккуратно ступая, двинулся вперёд – через поляну, где трава серебрилась от росы. С каждым шагом он ощущал, как силы уходят, будто земля вытягивала их из него. Но он всё равно шёл.

Самолётик тем временем не остался висеть на месте, а полетел за ним, держа дистанцию. Он двигался почти бесшумно, лишь изредка выдавая себя лёгким гудением винтов. В утреннем воздухе этот звук напоминал далёкий шорох – будто комар кружил над ухом.

– Так как, говорите, вас зовут? Николай? Это правда ваше имя или позывной? – спросил Кудрявцев, стараясь идти ровнее, хотя нога всё чаще начала подгибаться.

– Меня – того, кто управляет, – на самом деле зовут Николай. А это устройство действительно называется беспилотный летающий аппарат «Семицветик». Подобные устройства также называются для краткости БПЛА, беспилотники, коптеры или просто дроны.

– Ясно, – коротко ответил Сергей и, переведя дух, уточнил: – А лет вам сколько?

– Двадцать один. Думаю, мы ровесники.

– Гм, вот как? Значит, тогда давайте опять перейдём на «ты»? Или вы против?

– Не возражаю.

– Вот и хорошо. – Он остановился и отдышался. – Тогда давай знакомиться. Кто я, ты уже понял. А вот кто ты, я совсем не уловил. Так значит, говоришь, ты управляешь этим... как ты его назвал – дроном?

– Да.

– Так управляешь ты им, сидя где-то в помещении, в тепле?

– Почти что так и есть, – ответил голос, а потом, после паузы, добавил: – Тут, конечно, не совсем в тепле, но кое-какая крыша над головой есть.

– А далеко ты отсюда находишься?

– Не очень, – уклончиво произнёс Николай и, будто сменив тему, спросил: – А куда, собственно, вы... то есть ты теперь собираешься направляться?

– Известно куда – к нашим, куда ж ещё, – с усилием выдохнул Кудрявцев.

– Но ты же совсем слаб. Тебе нужно отдохнуть и ногу подлечить. У тебя кровью вся штанина испачкана, явно не комара прихлопнул!

– Ничего, – прокричал Сергей, подошёл к ели и залез под её низкие ветви, прячась от ветра. – Сейчас чуть отдохну, и пойдём дальше.

– Гм, ты ж только-только отдыхал...

– Чё-та опять притомился... видать, не отдохнул...

Голос помолчал, а потом вдруг встревожено воскликнул:

– Да у тебя жар! На тепловизоре температура тела почти тридцать девять с половиной. Сергей! Слушай меня! Пока есть силы, срочно снимай сапог и вытаскивай осколок или чем там тебя ранило.

Кудрявцев и сам уже понял, что терпеть больше нельзя. Сапог был тяжёлый, портянка вся пропиталась кровью и, как оказалось, промокла насквозь. Младший лейтенант стянул обувь, вылил из голенища натёкшую внутрь тёмную густую жидкость, потом размотал портянку. Нога тягуче пульсировала мучительными вспышками, кожа горела.

– Молодец! – сказал голос. – Давай занимайся, а я сейчас тебе лекарства привезу!

Дрон рванул вверх и исчез за деревьями. Сергей остался один. Он достал из вещмешка нож, зажал тряпицу зубами и, не медля, начал доставать металл. Боль пришла сразу – резкая, ослепляющая, будто раскалённое железо вонзили в плоть. Впрочем, почему «будто»? Именно так и было. Мир перед глазами дрогнул, пошатнулся и сузился до одной цели: вытащить любой ценой, иначе – смерть. Временами казалось, что всё вокруг растворилось – остался только он, нож и боль, пульсирующая в висках.

Сколько раз он терял сознание, он не помнил. Может, один, может, десять. В какой-то момент пальцы сжали что-то твёрдое и он наконец сумел извлечь осколок. Кровь потекла сильнее, но боль отступила.

И когда последний кусок металла был вытащен, в небе вновь зажуужал знакомый звук. Беспилотник вернулся, завис над ним и скинул небольшой свёрток, аккуратно перевязанный прозрачной липкой лентой.

– Тут медикаменты и вода, – пояснил голос. – Открывай скорее, я скажу, что делать.

Сергей посмотрел на непонятную упаковку. Бумага была белая, гладкая, будто из какого-то неизвестного материала. Осторожно поддел ножом край. Внутри оказалась прозрачная лёгкая бутылка с водой, нарезанная колбаса, ломтик сыра, хлеб. А рядом – бинт, пузырёк с зелёной и два бумажных кулька: один с таблетками, другой с белой мазью.

Он поднял взгляд, ожидая объяснений.

– Мазь с антибактериальным составом, – спокойно произнёс голос. – Помогает при глубоких ранах, ускоряет заживление и не даёт начаться заражению. Таблетки – обезболивающее и противовоспалительное. А порошок – это стрептоцид. Он остановит кровотечение и не даст ране загноиться. Ну, про бинт ты и сам знаешь, про зелёнку тоже.

Кудрявцев молча кивнул, хотя не был уверен, что понял хоть половину сказанного.

Силы уходили. Он боролся с дремотой, с тем липким ощущением слабости, которое подкрадывалось к телу.

– Сергей! Не спать! – резко приказал голос. – Сначала выпей таблетки и обработай рану!

– А вдруг это всё отравленное... – прошептал младший лейтенант, больше по привычке, чем из настоящего недоверия.

– Не говори ерунды! – раздражённо произнёс Николай. – Если бы я хотел тебя убить, зачем бы помогал? Ты же видел, что я этот свёрток сбросил. Дрон этой модели поднимает до пяти килограммов. Будь я врагом, при желании мог бы просто уронить не свёрток, а какой-нибудь камень на тебя с большой высоты, и всё. На этом бы твои приключения закончились. Так что не глупи, а лечись!

Сергей усмехнулся, навалившаяся усталость путала мысли. В словах незнакомца имелся резон, да и выбора не оставалось. Воды у него не было уже давно, бинты закончились ещё при перевязке капитана Самохвалова.

Он открыл бутылку и жадно выпил половину. Вода оказалась холодной, с лёгким привкусом металла, но вкуснее он не пил, кажется, ничего в жизни. Потом под руководством голоса, бубнящего из дрона, проглотил таблетки, запил их ещё одним глотком жидкости. Как ни хотелось опустошить сосуд до конца, он всё же сумел пересилить себя, плеснул немного на рану, промывая поражённое место, а потом присыпал его порошком из кулька, намазал привезённой мазью и туго перевязал бинтом. Руки дрожали, но он всё сделал аккуратно, хоть и почти машинально.

Когда закончил, откинулся к стволу ели, тяжело дыша. Сил не осталось вовсе. Голос сверху что-то говорил, но слова тонули в гуле крови в ушах. А потом всё потемнело, мир качнулся, поплыл и растворился.

Последнее, что младший лейтенант успел запомнить, перед тем как провалиться в небытие, – это та жадность, с которой он опустошил бутылку газированной воды, которая почти ничего не весила.

Глава 4 Место под солнцем

Видя, что заряд батареи подходит к концу – а ведь когда я летал за медикаментами, пришлось поставить не полностью заряженный блок, – я поднял беспилотник над верхушками сосен и направил его к базе. Воздух был густой и утренне-серый. Иногда ветер толкал корпус дрона, ненамного сбивая его с курса, и на мониторе перед глазами картинка слегка подрагивала.

Когда на дисплее показался знакомый овраг, сбросил высоту, вывел машину на глиссаду и аккуратно посадил прямо рядом с дверью. Винты остановились, и тишина вдруг показалась слишком напряжённой. Вновь поднял дрон и осмотрел ближайшую территорию с помощью тепловизора – ничего. Всё было тихо и спокойно. Выдохнул, совершил посадку, снял гарнитуру и машинально потянулся к пистолету, лежавшему рядом. Привычка уже выработалась – выходя из бункера, я теперь всегда держал оружие наготове. Не стоило забывать, что вокруг – фронт, пусть и временно отдалённый. Здесь любая тень могла оказаться врагом. Открыл тяжёлую дверь, вышел наружу. Несколько секунд прислушивался, но, кроме далёкого гула ветра, ничего другого слышно не было. Быстро подхватил беспилотник, вернулся в бункер и, заперев за собой дверь, облегчённо опёрся на неё спиной. Нервы у меня уже на пределе.

Занёс аппарат в отсек, снял батарею и поставил её на зарядку. Светодиоды мигнули зелёным, потом замерли. Теперь оставалось ждать. Я надеялся, что Сергей переживёт эту ночь, а таблетки и мазь сделают своё дело. Если он выкарабкается – появится шанс наладить с ним контакт.

Но пока нужно было заняться другим.

Подожёл к столу, включил основной компьютер и уставился в экран. Сейчас мне больше всего требовалась информация. Я должен понять, где именно нахожусь, что происходит вокруг, и, главное, какой сейчас точный временной срез.

Открыл архивы, внутренние базы, что сумел найти на дисках. Папки с проектами, техническими схемами, отчётами, моделями, чертежами – всё имелось. Но стоило ввести «1942», как поиск показывал ноль результатов. Исторических данных просто не существовало. Похоже, компьютеры изначально были изолированы от интернета и подключались лишь к внутренней сети предприятия.

Полчаса я бродил по меню от файлов к файлам, но тщетно. Тогда вспомнил, что кроме электроники есть и старомодные вещи – бумажные книги.

«В одной из комнат отдыха же есть библиотека», – пришла в голову мысль, и я, встав, направился туда.

Надежды оказалось больше, чем пользы. На полках – детективы, техническая беллетристика, журналы по строительству, кроссворды, пара старых альманахов и несколько томов краткой истории России. Открыл их и, найдя нужный период, прочитал о том, что и так знал – важные события этой войны. Доступная информация оказалась крайне скупой и в целом ничего полезного про апрель и грядущий май 1942 года не сообщалось. Там вообще после битвы за Москву следом шла битва за Сталинград, которая начнётся летом сорок второго. Поискал по полкам ещё что-нибудь полезное и очень скоро понял, что ни одной нормальной карты или справочника по истории ВОВ, который мог бы мне помочь, тут нет.

Расстроенный направился в лабораторию. Пока шёл, в голове крутились обрывки знаний из курса истории. Ленинград уже в блокаде – это точно. Сталинградская битва, как я уже вспомнил, начнётся летом этого года, а закончится в феврале сорок третьего. Курская – ещё позже, в сорок третьем. А сейчас, весной сорок второго, Красная армия почти везде отступает. Немцы давят по всем направлениям и готовят новый удар к югу – к нефти, к Кавказу.

Значит, по сути, мой участок фронта ещё долго останется в немецком тылу. А это значит – я за линией фронта. Один. С экспериментальной базой и тем, что на ней осталось.

«Но как же родители? – Мысль ударила неожиданно, будто ножом по сердцу. Я застыл. – Мама, папа... Как они там без меня?»

Я застыл на месте, задумавшись, но потом осознал, что ведь их на свете вообще ещё нет. Они родятся только через тридцать с лишним лет. А бабушек, дедушек, которых я теоретически мог бы увидеть, находясь в этом времени, я вообще никогда не знал – они для меня всегда были лишь строчками в документах. Но всё равно – само понимание того, что я нахожусь в мире, где ни один человек, близкий мне, даже не существует, казалось жутким.

Прошёл по коридору, стараясь не думать о плохом.

«Нет, раскисать нельзя. Это в прямом смысле смерти подобно.

Здесь, в 1942 году, слабость – непозволительная роскошь! Нужно не страдать, а действовать! Ведь как известно движение – это и есть жизнь!»

Но вот только возникал закономерный вопрос: что мне конкретно делать? В общих чертах ответ на это я уже знал – ещё с той минуты, когда только понял, куда занесла меня судьба. И ответ мог быть только один – помогать своим битъ врага.

Я не был философом и не собирался рассуждать о вмешательстве в ход истории или о параллельных ветвях времени.

«Да какая к чёрту разница, чья здесь история – моя, чужая, общая? На этой земле сейчас убивают людей, моих – наших. Значит, молчать, стоя в стороне, попросту нельзя! Помогать – вот мой долг. И это не патетика. Это, если хотите, инстинкт и проявление человеческой сути!»

Итак, решение принято и дальнейшему обсуждению не подлежит. Теперь осталось только понять, как именно я могу помочь в борьбе с противником? И уже этот вопрос был совсем непростым. Тут одного желания мало. Тут нужно будет думать, ведь каждое неверное движение может стоить жизни не только мне, но и тем, кому я решу помочь. Необходимо понять, как правильно и безопасно передать информацию, как использовать технологии и при этом не выдать их происхождение.

Да, образцы техники я, конечно, тоже смогу передать позже, но сейчас главное – данные, которые, к слову сказать, предстоит не только вспомнить, но и добыть. Планы немцев, расположение их частей, грядущие операции. Если бы я каким-то образом смог передать всё это нашим военным... В этом случае, пожалуй, можно было бы избежать множества трагедий, которые будут разворачиваться на фронтах этой жуткой войны.

Однако между словами «если» и «как» лежала пропасть. Направление на запад можно пока не рассматривать – там уже давно устойчивый тыл немецких войск. Что же касается востока, то всё тоже не просто... До Смоленска – больше сотни километров. До Вязьмы – около двухсот пятидесяти. Пешком туда не доберёшься, а любой контакт с местными – риск. Всё слишком хрупко и крайне опасно.

Вернулся в компьютерную комнату и открыл цифровую карту мира. Она отображала топографию 2025 года, но всё же могла дать общее представление. Нашёл свой район – огромный лесной массив где-то между Смоленском и Могилёвом. Центр болотистой зоны, сплошные овраги. На севере – деревня Зайцево, двадцать километров. Северо-восток – Сосновка и Сосновый Бор, семь и десять. Запад – Шипово, восемь. Юг – Разгуляево, двенадцать. Восток – Давыдково, десять километров. А чуть ниже Никитино. Девять. Именно там я подобрал раненого младшего лейтенанта.

Записал всё, что узнал, в блокнот. Отметив при этом в памяти, что нельзя забывать, что карта из будущего, и сейчас всё может быть не совсем так. За восемьдесят с лишним лет многое могло измениться. Вполне возможно, что половины указанных населённых пунктов в этом времени ещё просто не существует. Чтобы уточнить данные, нужна местная карта. Такая была у Сергея – в его планшете, но он пока не готов ей делиться. Что ж, возможно позже, когда

он свыкнется с мыслью, что я не враг, то предоставит мне её для пересъёмки. Она бы уж точно помогла более детально определить нынешнее положение вещей.

Взглянул на индикатор зарядки. До её окончания было не менее восьми часов, значит, пока есть время, стоит заняться хозяйством и провести общий осмотр – хотя бы небольшую инвентаризацию. Ресурсы конечны, пополнения не предвидится, и стоит знать, от чего отталкиваться.

Начал с лаборатории. Не с входа, как обычно, а сразу с центрального сектора. Я знал, что основная часть комплекса осталась цела.

Внутри помещения повсюду стояли приборы, мониторы и экспериментальные стенды. Разобранные двигатели лежали на стеллажах, рядом – аккумуляторы разных размеров, электронные платы, кабели. На стенах висели защитные очки и наушники.

Прошёл вдоль стола и обратил внимание на три корпуса малых дронов, что стояли в ряд, без крыльев и двигателей. Только пустые рамы, словно мёртвые кузнечики. У одного торчал обломанный разъём, у другого не хватало платы.

Невольно провёл рукой по холодному корпусу.

«Если бы найти время и материалы...» – подумал я, но тут же отбросил эту идею, оставив на потом. Пока что мне было не до инженерных мечтаний.

У выхода взгляд зацепился за что-то неприметное. В дальнем углу, за ящиками, обнаружился маленький коптер. Лёгкий, пластмассовый и с наклейкой на корпусе «*Made in China*».

Поднял его, осмотрел и невольно усмехнулся. Обычная игрушка – дешёвая китайская поделка, с крохотной камерой и слабым аккумулятором. Такие продавались повсюду: максимум пятнадцать минут полёта, дальность – сто метров. Никаких сенсоров, никаких стабилизаторов. Чисто любительская игрушка для детей или новичков.

Проверил винты, те оказались целы. Пульт управления был на пальчиковых аккумуляторах, всё работало. Вот только пользы от него в реальных условиях – почти никакой.

Повертел его в руках ещё немного и, вздохнув, аккуратно поставил обратно.

– Так-с, с этим ясно. Что смотрим дальше? – спросил я себя вслух, хотя в тишине подземного бункера мой голос прозвучал так, будто здесь говорил кто-то другой, не я, а некий чужак, случайно забредший в это мёртвое подземелье.

На мгновение поймал себя на мысли, что действую как полный дилетант. Всё вперемешку, без системы, без структуры.

«Нужно работать последовательно, Николай, – сказал я себе, – и вести учёт. Без порядка ты здесь долго не протянешь».

Решив действовать по-человечески, вновь вернулся в компьютерную. Распечатал план бункера – огромный лист, где серыми линиями были обозначены переходы, технические помещения и жилые отсеки. Взял маркер, ручку и, как и положено студенту-инженеру, решившему дотошно изучить новый механизм, стал обходить все помещения по порядку.

Начал с центра. Здесь когда-то был главный вход, лифт и вестибюль. Сейчас от них не осталось почти ничего. Шахту лифта полностью завалило, стены будто проглотила сама земля. От проходной и рекреации остались лишь обломки бетона, битый кирпич и тяжёлая серая глина, спрессованная временем и давлением. Я присел, потрогал землю рукой – холодная, плотная, влажная. Судя по всему, тут были завалы толщиной не меньше пяти-шести метров. Расчищать такое в одиночку – годы работы, не меньше.

Отметил это на плане толстым крестом – «вход недоступен», и направился в жилые помещения. Они находились в северо-западном углу комплекса. Здесь на удивление всё оказалось относительно цело. Никаких обрушений, только лёгкие трещины на стенах.

Осмотрел всё восточное крыло. Столовая, санузел, комната отдыха № 1, в которой была библиотека – они при катаклизме почти не пострадали. Где-то покосилась дверь, где-то осы-

палась штукатурка, где-то упал шкаф или стулья, а в одном из помещений на полу лежала разбитая посуда.

Отметил в блокноте состояние сектора и перешёл в центральную часть объекта. Тут значились: компьютерная комната, лаборатория, серверная, сборочный цех, склад запчастей и хозблок. Направился туда.

Компьютерная встретила знакомым мерцанием экранов. Несколько мониторов я не отключил, и они всё ещё были подключены к резервной сети. Памятуя о том, что копейка рубль бережёт, поотключал каждый из оставшихся – если что, включить не так сложно, а в рабочем состоянии всё же лишняя нагрузка на аккумуляторы энергосистемы комплекса. Так как в этом помещении я уже работал не один час, то давно понял, что тут всё более-менее нормально, и направился в соседствующий хозблок.

Дверь была приоткрыта и немного заедала, но я вытолкнул её плечом и тут же замер в удивлении. Сколько тут добра! По стенам расположились полки с инструментом: дрели, шуруповёрты, болгарки, паяльные станции, даже сварочный аппарат нашёлся. На полу – мешки с какой-то смесью, шланги, бухты проводов, цепи, коробки с болтами, гвоздями, крепежом. В углу – рохля, пара садовых тачек, ведра, банки с краской и растворителем. Всякая мелочь, но каждая вещь была крайне полезна и даже, возможно, бесценна в моём невероятном положении. Видя всё это добро, я облегчённо присвистнул. Да, с таким арсеналом можно не только выжить, но и, если что, восстановить часть оборудования.

Следом шли комната отдыха № 2, где стояли бильярдный и теннисный столы, и закрытый арсенал № 2. Много внимания арсеналу уделять не стал – замки на массивной железной двери выглядели внушительно, и открыть их я не мог из-за отсутствия ключей.

На всякий случай подёргал за ручку и, убедившись, что дверь закрыта, направился осматривать продовольственный склад, медпункт, электрощитовую и генераторную. Эти помещения тоже оказались не тронутыми стихией.

На складе обнаружили ряды ящиков, консервы, сухие пайки, канистры с водой, даже ящики с кофе и сахаром. В общем – склад как склад, и продуктов в нём мне должно было хватить на долгое время.

В генераторной, к счастью, тоже всё работало – тихое, уверенное гудение армейского многотопливного дизеля успокаивало, ведь это означало, что на объекте будет работать электричество, а значит, свет.

Мне действительно повезло. Не только я выжил при переносе, но и большая часть комплекса сохранилась. Компьютеры, генераторы, склады с едой и медикаментами – всё это теперь стало моим спасением.

Однако стихия всё же взяла и своё. Многие важные в моей ситуации помещения оказались под завалами. Это были все помещения восточного крыла – здесь стоял густой запах влажной земли. Стены будто сплющило, а на месте жилого блока охраны, что располагался в северо-восточной части объекта, теперь просто лежала глина – от пола до потолка. Когда-то здесь дежурили охранники.

«Если они находились внутри в момент переноса...»

Я отвёл взгляд. Лучше не думать об этом. Но, судя по всему, погибших не было – я нигде не находил тел. Возможно, люди просто остались там, в том времени, из которого пропал я. Хотелось верить в данную гипотезу, ведь проверить это всё равно не имелось возможности.

Ниже по плану была мастерская дронов. Помню, нас туда водили. Там стояли верстаки, наборы инструментов, стенды для диагностики, пульта управления. После полевых испытаний сюда приносили аппараты на коррекцию – проверяли двигатели, электронику, перенастраивали прошивки. Теперь же помещение оказалось завалено.

Рядом находился склад готовой продукции. До ЧП в нём находились ряды стеллажей, аккуратно выстроенные беспилотники, каждый с серийным номером. Сейчас же я стоял перед

частично выломанной металлической дверью, за которой были лишь глина, мусор и пара толстенных корней.

Подошёл к двери, что вела в гараж, и аккуратно её открыл. Он, как и все соседние помещения, также оказался погребён. Вспомнилось, что вечером перед катастрофой сюда должны были прибыть два грузовика и трактор для каких-то работ. Приехали ли они? Остались ли в гараже? Неизвестно и теперь выяснить это можно будет не скоро – грунта тут сотни, если не тысячи тонн.

Последними по плану шли запасной выход, лифтовая шахта и пост охраны № 2. Подошёл и осторожно открыл дверь. Рядом на полу тускло блестела большая грязная лужа. Очевидно, что-то пролилось, когда земля тряслась, а грунт проникал внутрь объекта.

– Запасной выход, конечно, нужен, – пробормотал я. – Только как всё это разгрести?

Стало совершенно ясно – один я это точно не осилю. Может быть, когда-нибудь потом, если найду тех, кто сможет помочь, а пока про эти помещения следовало забыть.

Сейчас мне нельзя было распыляться на всё и сразу. Необходимо правильно расставить приоритеты. Дополнительный выход может, конечно, спасти жизнь, но в данный момент важнее другое – дроны. Если я доберусь до мастерской и склада готовой продукции, у меня появится шанс не просто выжить, а действовать.

Тяжело вздохнул, представляя, какой гигантский объём работ мне предстоит, и собрался уже закрыть дверь, но тут взгляд зацепился за тихонько льющийся под ногами ручеек воды. Вода текла откуда-то из-под земляного завала и, судя по всему, останавливаться не собиралась.

Присел на корточки и разгрёб кучу. Напор усилился, став довольно приличным, как будто где-то там был включен шланг или, что хуже, пробился родник.

– Ёлки-палки! Только этого мне не хватало! – выругался я сквозь зубы и резко вскочив, спросил стоящую вокруг тишину: – Нас, что, затапливает?

Глава 5 Непростая дилемма

Вода продолжала сочиться из-под двери тонкой, но настойчивой струйкой, словно кто-то изнутри неустанно подливал её. Она журча по полу, целеустремлённо собираясь в мутную лужу.

Начал искать, чем бы мне это замазать, параллельно размышляя, откуда вообще она взялась.

«Уж точно не от водоснабжения – больно холодная. Да и вылилось уже много, давно бы радиаторы осушило. Тогда что же это? Какие-то грунтовые воды или, например, родник? Как узнать? Да никак! Разобрать завал и посмотреть на месте, что происходит, я не могу, а значит, нужно как-то купировать протечку. И раз сам источник я перекрыть не в состоянии, то, возможно, имеет смысл каким-то образом загерметизировать дверь?»

Идея оказалась здравой, а потому нужно было немедленно бежать в хозблок. Я помнил, что там видел мешки с какими-то смесями и другие строительные материалы.

После недолгих поисков нашёл монтажную пену, мешок цемента, несколько деревянных досок, пару кусков фанеры, ведро, шпатель, немного саморезов. Для надёжности прихватил рулон скотча, нож, рулетку, шуруповёрт и несколько клиньев – чтобы подпереть конструкцию, если придётся. Не теряя времени, всё это отнёс за несколько ходок к месту протечки.

Пока бегал, мысленно выстраивал план действий. Я, конечно, не был строителем, но кое-что в этом деле понимал, главное – надёжная герметизация.

Дверь встретила меня всё той же холодной упругой струйкой. Вода уже изрядно разлилась по полу и стекала в сток вентиляции.

«Если так пойдёт дальше, через сутки тут будет болото», – подумал я и, засучив рукава, принялся за дело.

Сначала тщательно зачистил место вокруг дверного проёма – убрал мусор, отвалившуюся штукатурку, протёр тряпкой стены. Потом достал пену и аккуратно заполнил ею все видимые щели и трещины по периметру. Пена зашипела, набухла и, словно живое существо, полезла наружу, заполняя пустоты. Затем замешал раствор. В цемент добавил немного песка из старого мешка и налил воды из той самой лужи, что натекала под ногами. Иронично, конечно, но особого смысла от чистой воды из-под крана я в данном случае не видел. Получилась классическая вязкая масса, похожая на серую глину, которую толстым слоем я и нанёс на все стыки, тщательно вдавливая шпателем. Когда раствор немного схватился, приложил листы фанеры, обрезанные лобзиком под нужный размер, и закрепил их саморезами к стене. Для надёжности прикрутил поверх листов распорные доски, установив их под углом, чтобы равномерно распределить давление. На вид конструкция получилась прочная, хотя, конечно, инженер из меня был так себе.

Выпрямился, размял затёкшую спину и с удовлетворением отметил, что вода больше не сочится. Во всяком случае, пока. Только по нижнему краю фанеры пробивались крохотные капли, медленно собираясь в капельки побольше. Но поток, по крайней мере, мне всё же удалось остановить. Щели и края чуть попозже, когда подсохнет, нужно будет ещё раз пролить слоем пены, и потом уже вновь подмазать раствором, но пока – на данном этапе, со стройкой можно было заканчивать.

«Если выдержит – значит, день прожил не зря», – сказал я себе и тяжело опустился на ящик.

В груди приятно ныло от чувства выполненного долга. Хоть что-то удалось не только предотвратить, но и довести до конца.

Но расслаблялся я всего пару секунд, потому что вскоре мысли вернулись к оставленному мной разведчику. Впрочем, они и во время работы не уходили. Я надеялся, что лекарства подействуют, но всё же кое-какие сомнения точили изнутри. Слишком уж Сергей плохо выглядел, когда я его оставил. Потеря крови дала о себе знать. И в связи с этим в голове у меня возникали закономерные вопросы: что мне делать, если он не придёт в себя? А если даже и придёт, ходить-то он всё равно несколько дней не сможет, пока рана не заживёт. Тогда как он дойдёт до объекта? Беспилотника, который мог бы поднять и доставить человека, у меня нет. Значит, что, придётся идти самому? Идти через лес, полный неизвестности. Война – это не шутки. В любой момент можно наткнуться на патруль, на мину, на засаду. На военной кафедре нас учили стрелять, но учёба и реальность – две разные вещи. Да, пять раз мы ездили на стрельбище, но от этих крохотных знаний толку в реальной боевой обстановке совсем немного. Попасть с пятидесяти метров в неподвижную мишень – одно, а выжить, когда по тебе ведёт огонь противник – совсем другое.

Конечно, вооружён я по текущим меркам совсем неплохо, ведь у меня в наличии имеются два автомата, четыре рожка к ним, пистолет Макарова и его газовый аналог, три баллончика с перцовым газом. Однако для полноценных боевых действий этого вряд ли достаточно. Тем более что я не Рэмбо, а обычный парень, студент технического университета. Всё, что у меня есть – это немного здравого смысла, отчаянная решимость и желание выжить.

«И всё же, как бы я ни опасался подобную прогулку осуществлять, а идти придётся. Никто другой за меня разведчика до убежища не донесёт, ибо попросту некому».

Стал мысленно собирать снаряжение. Камуфлированная форма, оставшаяся от охранников, для гипотетического рейда, в общем-то вполне могла подойти по размеру. Рюкзак возьму один – положу туда нож, топорик, аптечку, сухпаёк, воду, запасной аккумулятор, скотч, верёвку, пульт управления от дрона и очки. Сам дрон оставлю наготове недалеко от входа – пусть будет заряжен и готов к взлёту, вдруг понадобится разведка с воздуха. Кстати говоря, если проведу перед выходом эту самую воздушную разведку и буду её данные по мере продвижения дополнять, то шансы дойти до места, где находится раненый, у меня, в общем-то, есть.

«Одним словом – доберусь как-нибудь. Вот только что будет потом? Как мне доставить бойца сюда? Тащить на себе? Возможно. Мы примерно одинаковой комплекции, я не хилый. Но всё же нести взрослого мужчину с оружием, рюкзаком да ещё и экипировкой плюс-минус девять километров по пересечённой местности – это испытание не такое уж и простое. Да что там простое – сложное испытание! Ведь быстро двигаться не получится. Поэтому потребуется не меньше суток, а может, и двух, с привалами и ночёвкой».

Вспомнил, что в медпункте видел носилки. Армейские, складные, с прорезиненным брезентом. Пришла мысль, что их можно тянуть за одну сторону, волоча по земле. Но и это был не выход, ведь одному будет это делать очень тяжело, особенно по корягам и буграм.

«Значит, для облегчения процесса надо подыскать что-то с колёсами».

Посмотрел по сторонам – взгляд упал на стоящий в коридоре офисный стул. Подошёл, повертел его, двинул вперёд-назад, покачал на станине.

«Посадить Сергея на него и катить?» – мелькнула было мысль.

Но я тут же усмехнулся. Колёсики этого хлипкого изделия развалятся на первой же кочке. Да и толкать его по лесу – всё равно что катить коляску по вспаханному полю. Бессмысленно, тяжело и крайне трудозатратно.

Значит, нужно придумать что-то более надёжное.

Стал размышлять и поймал себя на том, что мысленно уже проектирую чертёж. Техническое мышление, воспитанное четырьмя годами университета, включилось автоматически. Сначала прикинул центр тяжести, потом – нагрузку, упругость колёс, трение оси. Всё это всплывало в голове, будто я снова на защите курсовой. Только теперь речь шла не о лабораторной модели, а о реальном устройстве, от которого зависела жизнь человека.

Сразу же вспомнился квадроцикл, что я видел стоящим в гараже, и я с сожалением посмотрел на груды земли, под завалом которой он и находился.

«А жаль... На квадрике эвакуировать разведчика было бы куда проще. Особенно если бы двигатель у него оказался бы электрическим – тише, надёжнее, без выхлопа, без лишнего шума. Полчаса, максимум час – и боец уже был бы здесь».

Я даже на мгновение представил, как пробиваюсь на четырёхколёснике среди деревьев, а потом тяжело вздохнул. Мечты быстро разбились о реальность – средство передвижения беспомощно лежало мёртвым грузом под тоннами обломков.

И так как этот вариант был сейчас совершенно неподходящим, я стал думать, где мне взять колёса. И не просто колёса, а такие, что выдержали бы вес человека, рюкзака и оружия – мощные, крупного диаметра, чтобы проходили через кочки, ветви, болотистые участки и при этом не отвалились бы.

И тут я вновь вспомнил о хозблоке.

«А ведь там вроде бы были устройства с колёсами... – подумал я и побежал туда.

Как только отодвинул валяющиеся горой в углу куски старого брезента и обрывки плёнки, сердце радостно кольнуло.

Передо мной предстали садово-строительные тачки. Причём две штуки. Одна – четырёхколёсная, с поворотной передней осью, а вторая двухколёсная!

И это было неплохо. Ведь сняв дверь одного из шкафов, можно будет сделать настил – импровизированную платформу. Соединить эти тачки, укрепить их осью, зафиксировать на дверной панели – получится вполне приличная длинная тележка. Не идеал, конечно, но для эвакуации сгодится.

Вытащил обе тележки в коридор и осмотрел. Колёса были на месте! Резина хоть и потрескалась, но ещё держала форму. Подшипники заржавели, но смазать их не проблема. А подходящих дверей, чтобы соединить эти телеги и соорудить лежак, на объекте хоть отбавляй.

– Выдвинусь я, разумеется, не сегодня, – рассуждал я вслух, облокотившись на холодную стену. – Даже с хорошо сделанной телегой весь путь займёт много времени. Сейчас полдень, пока приготовлюсь, пока всё сделаю – вечер наступит. А в тёмное время суток идти по чаще – сродни самоубийству.

Перед глазами тут же всплыл образ ночного леса: густая тьма, чёрные стволы, блеск глаз между ветвей.

«Вот встречу я волка или не дай бог медведя... И пусть даже у меня будет оружие – в темноте от страха и не выстрелишь толком. Да и не видно ведь ничего ночью-то. Хотя... – я вспомнил про тепловизор, который лежал в лаборатории, – его ведь можно сделать переносным. Тогда и ночью видно будет как днём».

Я уже почти ухватился за идею, но тут же отмахнулся. Здравый смысл возобладал.

«Нет, ночью всё равно опасно, ведь это то время, когда хищники выходят на охоту. Лучше выйти утром – как только начнёт светать. Часа за три-четыре доберусь. А это значит, что у Сергея я буду к десяти. Сразу двинемся обратно, и даже если будем ползти по километру в час, к позднему вечеру вернёмся на базу».

Мысль о чётком плане сразу же успокоила. Радуюсь, что решение найдено, вернулся к работе. А когда на душе спокойно – и работа спорится быстрее. Вскоре дверь в затопливаемое помещение была надёжно заблокирована: слой за слоем я укрепил конструкцию, добавил распорки и проверил швы. Всё выглядело вполне надёжно, и я очень надеялся, что это будет работать и защитит объект от затопления.

Убрав инструменты на свои места, выключил лишнее освещение и заглянул в лабораторию, где убедился, что один из аккумуляторов наполовину заряжен.

Переведя взгляд на розетку, устало хмыкнул.

«Н-да, мне действительно при катастрофе очень повезло. Я не просто сам выжил, но и полезные помещения на объекте не пострадали. В том числе электрощитовая и генераторная. Даже представить себе трудно, как бы было туго без них».

Сейчас электричество поступало от запасной аккумуляторной электростанции – автономного блока. Он рассчитывался на случай аварии: если отключится внешняя сеть, всё освещение, вентиляция и даже часть оборудования могли работать автономно. Станция представляла собой металлический шкаф размером с небольшой сейф, внутри которого располагались блоки литий-ионных батарей промышленного типа. Подключались они к топливному генератору, стоявшему в отдельном отсеке, где в бетон было вмонтировано трёхтонное хранилище бензина. Всё досконально продумано инженерами – безопасно, герметично, с вентиляцией и аварийным клапаном. Мало того, генераторная изначально сделана не одна, её близнец находился на противоположной стороне станции. И пока там всё наглухо завалено землёй, оставшийся генератор нужно будет беречь как зеницу ока.

Коммутация выглядела просто, но надёжно: генератор заряжал батареи, а те в свою очередь питали весь комплекс. При нынешней нагрузке – а сейчас работала только часть освещения и пара приборов – автономной работы хватит на две недели, если не тратить энергию впустую.

Закрыв хозблок, решил, что перед сборкой передвижных носилок неплохо бы провести раненого и сообщить ему, что прибуду завтра утром.

Не дожидаясь, пока батарея полностью зарядится, приготовил беспилотник к пуску, и уже через несколько минут дрон подлетал к заданной точке.

Сразу к лёжке приближаться не стал, зависнув на высоте. Нужно было проверить, безопасна ли местность. Расстояние до места, где находился разведчик, было приличное, и Сергей не мог заметить меня. А вот я, напротив, видел его отлично через видеоканал.

Он сидел рядом с елью, раздетый до пояса, и... разминался. Делал круговые движения руками, тянулся, крутил шею и даже приседал.

Не веря своим глазам, я прищурился.

«Это он что, выздоровел, что ли? – удивился я, чувствуя, как в груди поднимается волна подозрения. – Или, быть может, он вовсе и не так сильно ранен, как говорил? Неужели притворился?!»

Мысль оказалась ошеломляющей – почти шокирующей. Я смотрел, как парень легко поднимает ноги, вращает плечами, словно и не было ранения вовсе.

«Он что, к бою готовится? Но с кем?»

Я облетел вокруг стоянки и никого поблизости не заметил. Ни следов, ни движения.

«С кем он собрался драться?» – всё время крутилось в голове.

В это время Сергей поднял голову и, заметив дрон, тут же стал одеваться – спокойно, без паники, будто просто не хотел показаться раздетым.

Понимая, что скрываться бессмысленно, я подлетел ближе.

– Вернулся? Давно тебя не было, – сказал он, застёгивая ворот гимнастёрки.

– Так я это... заряжался, – ответил я, стараясь говорить ровно. – Я же, если помнишь, говорил, что аккумуляторы у аппарата садятся.

– Плохо помню, что было. Меня в жар бросило, а потом сразу вырубил, – сказал он, пожав плечами, и посмотрел на прячущееся за облаками солнце. – Судя по всему, я часов пять проспал?

– Ага... Семь, – сказал я и спросил, стараясь скрыть растерянность: – А сейчас ты... как себя чувствуешь?

– К удивлению, очень хорошо. Помогли мне твои мази.

– Э-э, отлично. Я этому очень рад.

– А уж я-то как рад, – усмехнулся тот, поднял ППШ и добавил: – Ну, так это, куда мне идти-то? В какой стороне ты находишься?

– Э-э, а ты что, сразу ко мне собрался? – опешил я.

– Конечно. А куда ещё? – хмыкнул внезапно выздоровевший разведчик-диверсант. – Хочу своего спасителя вживую увидеть. Или ты против?

– Да нет, просто это... далеко до меня...

– А, – махнул он рукой, – какая разница? Всё равно тут делать нечего. Веди, когда-нибудь дойду.

– погоди, – остановил я его, пытаюсь сообразить, как лучше повести дальнейший разговор, явно путаясь в нём. – погоди. Ты не спеши. Ты ж это... ещё слаб. А там болото, причём не одно. Рану замочишь, и вновь воспалится. У тебя ж рана на ноге – обязательно замочишь... Тем более за сегодня до меня дойти точно не получится. Ты ж раненый, а скоро темнеть начнёт. Ночью передвигаться совсем не вариант. Поэтому давай лучше не сегодня... давай-ка лучше завтра утречком пойдём.

– Гм, да чего ждать-то у моря погоды?

– Ну говорю ж – темно.

– И что, что темно? Тебе ж ночь нипочём! У тебя же прибор, видящий в темноте, есть. Сам говорил, – напомнил Сергей.

– Есть, – признал я, стараясь не выдать раздражения. – Только он энергию жрёт как зверь. Аккумулятор я не успел зарядить – спешил тебя провести. Так что точно тебе говорю: сегодня не получится. Я ночью всё подзаряжу, а завтра с рассветом двинем. У тебя еда и вода на сегодня есть, так что отдыхай и набирайся сил.

– Гм, – задумчиво произнёс тот, немного помолчал, а потом, пожав плечами, хмыкнул: – Ну хорошо, ладно, завтра так завтра. Тогда я опять спать лягу, а то я действительно себя ещё неважно чувствую.

– Ага... и это правильно, – согласился с ним я.

Пожелал скорейшего выздоровления, напомнил про таблетки и мазь и, сославшись на то, что заряд батарей заканчивается, сделал ложный крюк (пролетев в сторону, противоположную месту, где я нахожусь), вытирая ладонью выступившую испарину на лбу, направил беспилотник к объекту.

Пускать к себе в дом столь резвого и хитрого осназовца, да ещё и с боевым оружием в руках, мне резко расхотелось.

Когда затащил дрон внутрь и поставил аккумулятор на зарядку, налил себе кофе и, сев за стол, глубоко задумался. А ведь подумать было над чем. Точнее – над кем.

Мускулистая фигура военного профессионала, разминающегося возле ели, до сих пор стояла перед глазами. Каждое движение Сергея – точное, выверенное, полное скрытой силы – напоминало о том, что этот человек создан не просто для войны, а для выживания и уничтожения. И от одной мысли, что именно он может оказаться моим соседом по убежищу, внутри неприятно сжалось.

Испугался ли я в тот момент, когда решил не приглашать Сергея на объект? Пожалуй, что да. Хотя слово «испугался» тут не совсем точное. Я не паниковал – просто рассчитал. Как инженер, как человек, привыкший взвешивать варианты, я трезво оценил все за и против и понял: такое соседство попросту опасно. И опасно оно прежде всего для меня.

И тут нужно сказать, что в этих своих опасениях я ничуть не перебарщивал.

«Ну кто я для этого диверсанта? – думал я, глядя на кружку в руке. – Никто и звать никак. Неизвестно откуда взялся и что собой представляю. Он сейчас на взводе: самолёт подбили, товарищи погибли, сам чудом остался жив, ранен, приказ командования не выполнен, вокруг враги, положение безвыходное. Шансов выжить – почти ноль. А значит, терять ему нечего. Жизнь висит у него буквально на волоске. А вот моя – пока ещё нет. Но очень быстро может

повиснуть, если я впущу в свой маленький, относительно безопасный мир незнакомого, хитрого и отчаянного профессионала по ликвидации людей».

А в том, что Сергей именно такой специалист, я не сомневался ни секунды. Других, менее подготовленных, за линию фронта не посылали. Туда направлялись те, кто действовал хладнокровно, точно, по уставу и без сантиментов. И как человек с такими навыками поведёт себя здесь – внутри объекта из будущего – это одному Богу было известно.

Я покачал головой и вновь себе напомнил прописную истину: «Я для выжившего никто. А значит, миндальничать со мной он точно не будет».

Да, по сути, я спас ему жизнь. Формально – он мне теперь должен. Но в реальности всё не так просто. В мирной жизни при иных обстоятельствах это был бы повод для благодарности, дружбы, возможно, уважения. Но не здесь, не сейчас.

Когда военный профи окажется внутри объекта, то сразу поймёт, где очутился и что перед ним. Эти стены хранят знания и технологии, о которых в сорок втором году даже мечтать никто не может. Летательные аппараты, компьютеры, материалы, электроника, оружие, способное поражать на дистанциях и с точностью, о которых современный ему военный не имел ни малейшего представления. Всё это для него будет как сокровище из другого мира. И когда он увидит всё это – когда осознает, что попал в нечто вроде пещеры Аладдина с техникой из сказки, – что он сделает? В лучшем случае просто свяжет меня и закроет в одной из комнат, «до разбирательства». А в худшем... в худшем я стану для него помехой. Препятствием, которое нужно устранить, чтобы не мешало распоряжаться новой силой. И тут я не имею в виду, что он захочет всем этим владеть самолично. Нет. Просто он, устранив меня, как и положено советскому военному, захочет всё найденное передать своему командованию. Как конкретно он это проделает, в данный момент совершенно неважно, ибо для меня всё уже будет предрешено – в лучшем случае я окажусь объектом для изучения, а в худшем – меня попросту не станет.

И не нужно себя обманывать: я не был «ценным специалистом», без которого тут всё остановится. Конечно, в случае моего устранения часть технологий без моих комментариев и объяснений останется загадкой, но далеко не всё, и очень многое догадливые инженеры в тылу сумеют понять и сами. Схемы, принципы работы, общую концепцию – это для них будет лишь вопросом времени. И если разведчик-диверсант в конце концов как-то сумеет связаться с нашими и организует доставку всего найденного добра на «большую» землю – они, без сомнения, справятся. А вот я окажусь лишним. И в этом как раз сомнений у меня нет.

Поднял взгляд на металлические стены, за которыми гудела вентиляция. Звук шёл ровный, почти успокаивающий, но внутри не было покоя. Я ясно осознавал: если допущу малейшую ошибку, если позволю Сергею войти сюда – моё уединение закончится, а вместе с ним закончится и мой контроль над ситуацией.

Ведь в открытом столкновении с бойцом уровня спецназа у меня не было ни единого шанса.

Два года бокса в студенческой секции – ничто по сравнению с армейской подготовкой. Они ломали руками кирпичи, бегали по лесам сутками, стреляли на слух. Что же касается применения оружия, то тут вообще весовые категории у нас разные. Я – теоретик. Да, я держал в руках автомат и пистолет, но знал: пока прицелюсь, он уже будет рядом или давно выстрелит.

Единственное, что могло бы дать мне преимущество, – это первый выстрел. Но тогда что? Жить, постоянно держа палец на спуске? Смотреть на дверь с мыслью, что за ней может быть враг? Нет, такая жизнь превратилась бы в бесконечную нервную пытку.

Мне нужно было время. Время, чтобы понять, кто он. Чтобы убедиться, что он не опасен и готов работать сообща. Следовательно, пока разведчика-диверсанта необходимо держать на существенной дистанции от объекта.

Посмотрел на лопасти вращающегося вентилятора, и в этот момент решение родилось само собой. И оно оказалось настолько простым и в какой-то степени гениальным, что я даже на миг растерялся.

Дело в том, что я придумал, как организовать общение с Сергеем не напрямую, а иначе – без личного контакта, а значит, и без риска. Плюсом этого решения было то, что Сергей больше не попадал на базу, а связь с ним мне предстояло держать через всё тот же дрон.

Но не всё так просто и перед тем как осуществить задуманное, мне светило хорошенько потрудиться. Ведь перевезти на «Семицветике» все вещи, которые помогут человеку выжить в лесу в одиночку, будет делом непростым.

Да, я собирался поселить спецназовца на достаточном удалении от своего бункера, сделав ему базу под открытым небом. Что же потом? А потом предстояло ждать и работать. Предстояло напрячься и, полетав по окрестностям, найти воину то, что он и хотел, куда он стремился – проходящий партизанский отряд, ведь нет сомнения, что именно к ним он ранее и направлялся.

Конечно, вполне возможно, что придуманный мной план не был каким-то сверхгениальным, но для сложившейся ситуации являлся вполне себе нормальным выходом из сложной ситуации. Во всяком случае, сделав так, как задумал, я и человека в беде не бросал, и сам оставался в живых.

Глава 6 Обида

Придя в сознание, Сергей был очень удивлён, что не только чувствует себя неплохо, но и нога почти не болит. Он осторожно пошевелил ею и отметил, что боль вполне терпима.

«Неужели это так подействовали те таблетки и мазь, что мне дал Николай?» – удивился он, с трудом поднимаясь на локтях.

Жизнь теперь уже не казалась такой мрачной, как всего несколько часов назад. Тогда, после пережитого, на него буквально нахлынуло отчаяние, вязкое, глухое, выжимающее все силы. Оно и сейчас не ушло совсем – нет-нет да напоминало о себе, вызывая ненужные воспоминания и беспокойство. Но чувство опустошённости в душе заметно уменьшилось. Он был жив, относительно здоров и теперь собирался за эту жизнь бороться. Тем более что где-то рядом – пусть невидимый, но реальный – находился человек, спасший его, словно ангел-хранитель из ниоткуда. Сергею хотелось верить, что всё будет хорошо.

Вот только... казалось бы, в относительно спокойное пробуждение внезапно вломилась боль. Много боли, распространяющейся по всему телу. Сергей рывком вскочил на ноги и, лихорадочно стуча себя по торсу, стал сбивать муравьёв, которые успели забраться к нему за пазуху. Те, похоже, решили, что найдено отличное тёплое место для нового муравейника, и расплозились по груди и спине.

Вскоре поняв, что с насекомыми обычными похлопываниями не справиться, разведчик буквально сорвал с себя гимнастёрку и принялся стряхивать их, размахивая руками и ногами. Но от долгой неподвижности у него стало сводить мышцы. До этого он несколько часов лежал в одной позе, неосознанно боясь лишний раз пошевелиться, и всё тело затекло. Пришлось размяться и сделать несколько упражнений. Когда с судорогами было покончено, взгляд Сергея упал на мерцающий в небе силуэт. Это означало, что пора собираться – прибывший дрон должен был наконец-то и привести его на свою базу.

Однако после короткого обмена приветствиями Николай неожиданно огоршил, что поход переносится на завтра. Сказать по правде, это известие разведчика немного напрягло. Он понял, что его визави что-то недоговаривает. Но спорить не стал, а согласился подождать, устроившись под другой елью, где отсутствовал муравейник.

О том, что управляющий БПЛА водитель может выдать место, где прячется Сергей, он старался не думать.

И аргумент за это был железный.

«Он правду говорил. Хотел бы сдать, давно бы сдал, благо немчуры вокруг ещё вчера крутилось очень много».

День и ночь пролетели быстро. Кудрявцев лечился, отдыхал, ел те странные, но удивительно питательные продукты, что доставил дрон, и время от времени поглядывал на небо, ожидая очередного появления «жужжалки».

Николай, как и обещал, прилетел утром. Они поздоровались, обменялись парой коротких фраз – и, наконец, отправились в путь. А путь предстоял неблизкий: визави предупредил, что идти минимум пять часов. Однако Сергея это не пугало. Он двигался уверенно, чувствуя в себе возвращающиеся силы. Каждый шаг приближал его к встрече со своим спасителем. С тем, кто каким-то чудом живёт посреди немецкого тыла и располагает техникой, превосходящей всё, что он когда-либо видел.

В голове вертелось множество вопросов: кто он? Как оказался здесь? Откуда у него всё это? Младший лейтенант не был наивен. Он понимал: если человек в одиночку выживает в таких условиях и при этом способен помогать другим – значит, за этим стоит нечто большее, чем просто удача.

Всё, что происходило, казалось слишком... чрезмерно странным и загадочным. И загадку эту Сергей собирался разгадать сразу, как только посмотрит в глаза этому невесте откуда взявшемуся союзнику. Кудрявцев отнюдь не был каким-то волшебником, обладающим уникальными способностями, но точно знал, что, как только будет видеть глаза собеседника, обязательно сумеет понять, где правда, а где ложь.

Уходя ещё дальше в чащу леса, разведчик в душе очень нервничал. И не потому, что густой лес его пугал – нет, этого-то как раз он не боялся. Его пугало другое – неизвестность. Он не знал, как сложится финальный разговор, но виду старался не показывать, а просто шёл и шёл, с каждым шагом приближая судьбоносный момент.

– Всё! Это вот тут, – наконец сказал голос. БПЛА подлетел к куче прикрытых ветками коробок и узелков ткани, и Николай добавил: – Тут тебе лучше всего и обосноваться.

– Что? Тут? В этом овраге? – сняв радиостанцию с плеча, огляделся Сергей и, не понимая, что происходит, уточнил: – Ты о чём?

– О том, что тут очень удачное место – овраг можно увидеть только с близкого расстояния. А значит, обнаружить противнику его будет сложно. Тут рядом есть вода, а шалаш можно организовать вот у этих деревьев. – Дрон подлетел к двум соснам, завис между ними и слегка покачался. – Если не знаешь как, я подскажу. Я, между прочим, смотрел почти все передачи Беара Гриллса по телевизору и кое-что запомнил, так что по методике выживания в лесу уже инфа кое-какая есть.

– Криса? Немца, что ли? – удивлённо переспросил Сергей, недоверчиво косясь на блестящий корпус. Снял с шеи ППШ, посмотрел на «жужжалку» и прищурился. – А ты-то где? Выходи.

– Я? – Голос Николая чуть замялся. – Э-э, меня тут нет.

– Да это я и без тебя вижу! Но где ты сам-то?

– Э-э, в другом месте.

– То есть как это – в другом месте? Ты же сказал, что я к тебе иду!

– Сказал, – подтвердил Николай. – Но ситуация немного изменилась. Пока тебе лучше пожить здесь.

– Одному?

– Да.

Сергей огляделся вокруг, сжал зубы и прошипел:

– А ты не очумел ли, часом, а? Ты чего вытворяешь? Куда меня завёл? Выходи, говорю! Где ты?

Голос вздохнул.

– Я же объяснил, что меня здесь нет. Я в другом месте нахожусь.

– В каком ещё месте?! Какого чёрта?! Где ты?! Куда мне идти?!

– Никуда идти не надо, – терпеливо сказал Николай. – Оставайся здесь. Отдохни. Еду и всё, что нужно, я тебе уже подвёз. Всё в тех ящиках. – Дрон подлетел к куче, заваленной ветками. – Тут есть всё необходимое. Тебе не о чем беспокоиться!

Глаза Сергея расширились, и он взорвался:

– Ты с ума сошёл, что ли?! Я не собираюсь сидеть не пойми где, у немцев под носом! И не собираюсь выполнять твои идиотские планы! Ты понял?!

– Понял, – тихо произнёс Николай. – Как знаешь... Просто я хотел как лучше.

– Лучше? Это, по-твоему, лучше?! – Сергей обвёл рукой лес вокруг и взмахнул оружием. – И что мне тут делать? Ждать, пока наши придут? Ты думаешь, это выход?!

– Нет, конечно. До освобождения этих мест, ещё очень... – попытался произнести голос не совсем приятные слова. Потом чуть помялся и добавил: – Но ты не волнуйся, освобождение обязательно будет. А пока просто отлежись. Подлечись. Потом начнём искать партизан...

– Что?! Каких ещё партизан?!

– Так вы же к партизанам летели, когда вас сбили. Вот их-то я собираюсь для тебя найти. Сергей, не зная, как на такой бред ответить, нервно хохотнул, а потом стиснул зубы и зарычал:

– Да нет тут никаких партизан, кроме меня, голова ты садовая! Они за двести вёрст отсюда!

– Гм, извини, – кротко буркнул голос. – Я не знал.

– А теперь знаешь! И знай ещё одно: твоё предложение мне не подходит! Поэтому спрашиваю в последний раз – ты собираешься сам появиться или нет?!

– Пока нет, но...

– Тогда всё! Разговор закончен! – резко оборвал собеседника Кудрявцев. – А теперь лети отсюда куда хочешь и больше не попадайся мне на глаза!

– Сергей, я же хочу как лучше для тебя... хочу помочь...

– Это всё лишь пустые слова... дела показывают противоположное.

– Но я правду говорю!

– А я не верю! Я не знаю, кто ты и откуда взялся! – повысил голос младший лейтенант, крутя головой по сторонам. – Ты говоришь общие фразы, но кто ты такой, я так и не понял! Как ты сумел жить среди немцев? Отвечай – кто ты?

– Человек. Такой же, как и ты... твой ровесник...

– И опять одно и то же, – зло произнёс он. – Ты не отвечаешь на вопросы! Ты не показываешься на глаза! Я не могу так... Поэтому лети отсюда! Улетай! И не возвращайся никогда!

– С этими словами разведчик направил ствол ППШ прямо на дрон. – Не доводи до греха!

– Да успокойся ты! – дрогнул голос. – За что так со мной? За то, что помогаю тебе?

– За то, что ты врёшь! И за то, что ты неизвестно кто! За то, что ты не свой! Вали отсюда, говорю, а то сейчас весь диск в тебя выпущу!

– Но ты хоть понимаешь, что, если выстрелишь, звук стрельбы могут услышать? И тогда ты уж точно пропадёшь.

– Ну и что? – зло ухмыльнулся Кудрявцев. – Зато я такого хитрого предателя, как ты, с собой заберу! Немцы услышат выстрелы, увидят твой самолёт и обыщут весь лес. Не сомневайся – заглянут под каждый куст. И тогда тебя обязательно поймают.

Голос хмыкнул и, чуть помедлив, ответил:

– Не поймают. И вообще, с чего ты взял, что я в лесу нахожусь?

– А с того, что ты сам прокололся! – Сергей уже почти кричал. – Сказал, что этот твой «дрон», как ты его называешь, может летать не более чем на двадцать километров от места, где ты находишься!

– Так я же мог обмануть... – В голосе прозвучала неуверенность.

И этого хватило, чтобы Кудрявцев окончательно вспыхнул.

– Я сказал: немедленно убирайся отсюда! Считаю до трёх, иначе буду стрелять! Раз!

– Может, подумаешь ещё? Я ведь могу быть полезен!

– Нет! Два!..

– Ну как знаешь, – вздохнул голос.

Беспилотник громче зажужжал моторами и, взмыв вверх, по дуге ушёл из вида.

– Вот и вали... вали, предатель! – крикнул вслед Сергей, отчётливо понимая, что теперь он точно остался один.

Его бесило поведение невидимого собеседника. Тот находился где-то в тепле и явной безопасности, а ему предлагал жить под открытым небом, под угрозой в любой момент быть обнаруженным и убитым. Лес вокруг был хоть и большой, но далеко не безопасный. Кругом стояли деревни, в которых могли быть немецкие гарнизоны. Облавы, патрули, доносы – всё это делало жизнь в округе смертельно опасной.

Разведчик-диверсант, кипя злостью, развернулся, прикинув, куда идти, но тут задумался и, покосившись на лежащую кучу с коробками, пробормотал:

– С паршивой овцы хоть шерсти клок...

Он понимал: идти сейчас в долгий путь, не взяв ничего из припасов, – чистое самоубийство. Еды нет, медикаменты на исходе, а нога всё ещё болит.

Коробки и узелки с вещами лежали под брезентом, прикрытым ветками. Сергей недоверчиво осмотрел их, потом присел, снял крышку. Внутри оказались упаковки консервов, сухари, аптечка, несколько ножей, моток верёвки, спички в герметичной банке. Всё аккуратно уложено и перевязано.

– Ну хоть что-то, – пробормотал он, наполняя вещмешок. – Хотя не зря с ним связывался...

Он взял самое нужное: еду на пару дней, бинты, противовоспалительное, нож и небольшой котелок. После этого подошёл к своей поломанной радиостанции и осмотрел её. Корпус был пробит осколком, внутри виднелись оплавленные контакты. Попробовал выйти в эфир. Щёлкнул тумблером, подождал. В ответ – тишина. Никакого сигнала, ни шипения, ни треска. Только сухой холод воздуха.

– Окончательно сломалась, – вздохнул он, а потом, чуть подумав, прошептал: – Но всё равно оставлю. Единственный мост к нашим. Вдруг удастся найти того, кто сумеет починить.

Он повесил рацию на плечо и, достав из вещмешка компас, постарался сориентироваться на местности. Стрелка дрожала, но направление на восток он уловил. Там, где-то далеко, должны были быть свои. Сергей поправил ремень пистолета-пулемёта, взглянул на солнце и двинулся вперёд. Шёл он медленно, но уверенно, преодолевая овраги и ручьи. Нога ныла, особенно когда приходилось подниматься на склон, но младший лейтенант стоически молчал, стиснув зубы. И хотя каждое движение отзывалось болью, останавливаться он не собирался.

«Ну и чёрт с тобой... – думал он, обращаясь мысленно к тому, с кем не удалось вступить в контакт. – Не получилось, значит, не получилось!»

Кудрявцева очень расстроило, что противник, коим без сомнения являлся тот, кто называл себя Николаем, лично на встрече не появился. Разведчик рассчитывал получить от него не только дальнейшую помощь, но, при первом подозрении захватив, узнать, откуда у того имеется в наличии столь необычное воздушное средство, которого нет ни у одной из воюющих сторон.

Конечно, младший лейтенант не был вхож в высокие кабинеты, и, соответственно, всей полнотой информации о технологическом состоянии всех передовых держав мира не владел, но стойко держался в своём убеждении – ни у англичан, ни у американцев, ни у немцев или даже нас ничего подобного на вооружении не имелось. Про французов, чехов, поляков и другие подобные страны вообще говорить и не стоило, потому что все они уже стали частью фашистского Третьего рейха.

В своих предположениях Сергей был полностью уверен. Из газет он знал, что США дружат с англичанами, и будь у кого-либо из тех держав подобная авиация, они непременно стали бы применять её на фронтах не только в Европе, но и в Африке. А то, что она там не применялась – это являлось неоспоримым фактом. Ведь будь у них дроны, способные летать в любое время суток, они бы уж нашли способ, как придумать, чтобы эти модели могли кидать бомбы. И это автоматически означало, что эти страны стали бы выигрывать на поле боя. Но газеты говорили совершенно о другом – США в европейскую войну вступать пока не спешили, а вот Великобритания на суше несла тяжёлые потери. Следовательно, у них подобных маленьких самолётов точно нет.

С немцами виделась точно такая же картина, как и с американцами, и с англичанами. Если бы дроны имела Германия, она их, без сомнения, повсеместно применяла бы в боях. Следовательно, скорость захвата советской территории была бы в разы выше. К тому же война

идёт уже почти год, и за это время информация о новом оружии, несомненно, разнеслась бы по всем фронтам, ведь если у противника появилось что-то, что представляет опасность, то в генеральном штабе сразу же старались бы придумать противодействие и разослать директивы в войска для последующего обучения бойцов. А раз об этом никто не говорил и не говорит, значит, никто ничего и не знает, потому что не применяли ещё немцы таких маленьких, но, без сомнения, опасных беспилотников.

Что же касается возможной принадлежности данной модели к советской стороне, то тут Кудрявцев тоже был не уверен. И объяснение этому нашлось довольно простое: если бы этот маленький самолёт действительно являлся экспериментальной разработкой наших учёных, собранной в каком-то секретном конструкторском бюро, его бы никто и никогда не отправил на испытания сюда – в немецкий тыл. Слишком велика вероятность, что противник его захватит, разберёт по винтикам и быстро найдёт способ противодействия. Никто не стал бы рисковать столь ценным образцом. Если же предположить, что советское командование решило снять гриф секретности и начать массовое применение подобных аппаратов на фронте, то выходит, произошло это буквально за пару дней. Но ведь никто – ни из разведчиков, ни из связистов, ни из командиров – ничего об этом не слышал. Значит, эта версия маловероятна. Для того чтобы армия получила в распоряжение новое вооружение в больших количествах, требовалось бы время, ресурсы, подготовка кадров – тех, кто будет этими дронами управлять. Но ни о чём подобном Кудрявцев не слышал. А происходи подобное перевооружение, услышал бы наверняка.

Но никто ничего не знал о подобных БПЛА и знать не мог. Да потому что не было таких аппаратов у СССР тоже.

А значит, тот, кто управлял дроном, не являлся ни бойцом, ни командиром Красной армии.

Это можно считать установленным фактом. Но вот кто стоял за всем этим – совершенно непонятно. Тем более что при пристальном изучении последних произошедших событий странности множились как грибы после дождя: этот так называемый дрон второй день летал у немцев под носом, возил еду, лекарства, подушки... Разве подобное поведение могло быть частью военной операции, в которой кто-то решил применить невиданный доселе летающий беспилотник? Зачем столь ценный летательный аппарат, который любой из противоборствующих сторон очень нужен на поле боя, занимается не пойми чем, подкармливая раненого диверсанта?

Нет. Это напоминало не боевую задачу, а что-то личное, почти бытовое и пахло откровенным абсурдом!

Значит, это был не серийный образец, а единственный экземпляр, и всё, что случилось, оказалось просто прихотью человека, представившегося Николаем.

Сергей задумался, стараясь более детально вообразить, как это могло произойти. Версия получалась странная, но она хоть как-то объясняла необъяснимое. Исходя из неё, где-то здесь, в глубине тыла, остался радиолюбитель или инженер, который при отступлении не успел эвакуироваться. До войны, возможно, работал в каком-нибудь конструкторском бюро, имел доступ к секретной технике и сумел собрать свой летательный аппарат, обладающий уникальными техническими характеристиками.

«А потом – что? Пошёл на службу к немцам? Почему не показывает лица? Почему скрывается за голосом из железной коробки?» – задал себе вопрос Кудрявцев.

На ум приходил один и тот же ответ: «Не показывается, потому что боится. Боится, что, встретившись лицом к лицу, выдаст себя. Боятся, что совершит прокол и его легко можно будет раскусить. Боится, что тогда всё станет ясно – он не просто одиночка, он предатель и враг! Да и как иначе можно объяснить, что его самолёт спокойно летает в немецком тылу и никто его не сбивает? Гитлеровцы давно обратили бы внимание на такую технику: поставили бы зенитки,

устроили засаду и в конце концов обязательно сбили, если бы считали его вражеским. А раз до сих пор не сбили, значит, так не считают. Значит – им указание дано, чтобы не обращали внимания на полёты этого дрона».

Из всего этого напрашивался только один неутешительный вывод: «Этот беспилотник, конечно, свой. Но свой он не для нас, а для немцев. Разрешение летать он получил от них».

Однако оставался открытым закономерный вопрос: если это враг, зачем тогда ему помогать советскому воину?

Но и тут был ответ.

«Тот кто управляет дроном, просто забавляется. Ему, скучно. Он играет. Играет в спасателя, в доброго духа леса. Подбрасывает еду, лекарства, разговаривает издали – как ребёнок, управляющий игрушкой.

Только вот Кудрявцев – не игрушка. Он – командир. Разведчик-диверсант. И никому не позволит обращаться с собой как с вещью. Он сам выберет, куда идти, что делать и как жить. Он дойдёт до фронта, пересечёт линию и найдёт своих. А игрушкой в чужих руках он никогда не станет!

Солнце к этому времени уже поднялось высоко. Когда оно достигло зенита, лес начал редеть. Сквозь стволы блеснул свет – впереди находился открытый участок. Сергей остановился и, сверившись с картой, решил обойти просвет южнее. Лишний риск ему был не нужен.

Он двигался осторожно, пригибаясь, следуя вдоль кустарников. Через некоторое время впереди показались крыши – небольшая деревушка.

Остановился, присел в тени и стал наблюдать.

Деревня выглядела мирно. Никаких солдат, никакой военной техники. Мужиков, как и следовало ожидать, видно не было. Оно, собственно и понятно – кто на фронте, кто успел эвакуироваться. Остались только старики да женщины: кто-то воду таскал, кто-то дрова рубил, кто-то копался в огороде. Всё казалось тихим, почти мирным.

Разведчик выждал несколько минут, наблюдая за происходящим, и, ничего необычного не увидев, осторожно стал двигаться вдоль изгороди, стараясь не шуметь.

Согнувшись, пробирался между заборами, проверяя окна. Первое – пустое. Второе – тоже. А вот в третьем доме, что стоял ближе к окраине, заметил движение.

Внутри сидел седой старик с густой бородой. Он согнулся над печкой и, вероятно, собирався её растопить. Немцев видно не было.

Сергей осмотрелся по сторонам и тихонечко, одними пальцами постучал в окно.

От неожиданности дед вздрогнул, повернул голову, потом поднялся и направился в сени. Вскоре скрипнул засов, и дощатая входная дверь медленно отворилась.

Бородач удивлённо посмотрел на гостя своими старческими мутными глазами и хрипло спросил:

– Ты кто, парень?

– Не бойся, я свой! – ответил Сергей вновь оглянувшись.

– Э-э, свой? – протянул тот недоверчиво.

– Конечно, свой. Неужели форму не видишь?

– Вижу... ага... – Старик чуть прищурился, будто стараясь рассмотреть знаки отличия.

– Да свой я, свой... – заверил Кудрявцев и задал насущный вопрос: – Немцы в деревне есть?

– Нет, нету, – замотал головой хозяин дома. – Приезжали вчерась. Диверсантов искали.

– Он кашлянул и, чуть виновато улыбаясь, добавил: – Может, тебя?

– Может. А где они теперь?

– Так это, обошли дома, велели в оба глядеть, да и уехали. Что им тут делать-то...

– Понятно. Слушай, батя, я советский разведчик. Потерял группу, ищу своих. Пустишь отдохнуть?

– Ага... э-э, пушу, а почему бы и нет... раз советский. – Дед, кряхтя, отступил в сторону, махнул рукой. – Проходи, сынок.

– Благодарствую, – произнёс уставший разведчик и шагнул в дом.

Бородач, приветливо улыбаясь, подвинувшись, пропустил гостя, а потом, закряхтев, чуть согнулся. И тут Сергей, успев увидеть в руках у хозяина топор, почти в то же мгновение почувствовал сильную боль в затылке. После чего мир исчез.

Интерлюдия

Москва. 16 апреля 1942 года

В тесной комнате штаба 4-го управления НКВД, занимавшегося координацией партизанского движения на оккупированных территориях, стоял тяжёлый запах табака. За окном, завешенным плотными шторами, гудел ветер, а в городе, несмотря на военное время, жизнь продолжала свой ход: где-то слышались гудки машин, где-то раздавался приглушённый смех.

Но здесь, в этом кабинете, время словно застыло, подчинённое суровой реальности войны.

Генерал-майор Алексей Романович Пономарёв – крепкий, широкоплечий, с густыми седеющими бровями – стоял у окна своего кабинета и смотрел, как с улицы медленно поднимается туман – смесь пара и весенней измороси. На подоконнике лежала папка с докладом.

В кресле напротив, согнувшись над картой западной части СССР, сидел полковник Николай Павлович Малкин – высокий, жилистый, с бледным лицом и чуть осипшим голосом от постоянного недосыпа. Его пальцы, испачканные чернилами, пробегали по отметкам и флажкам, которыми отмечались точки недавних забросок.

– Так что там у тебя, Николай Павлович? – Пономарёв откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Его голос был низким, с едва уловимой хрипотцой, выдававшей долгие ночи без сна.

Полковник вздохнул, потирая висок. Он выглядел моложе своего начальника, но тёмные круги под глазами и напряжённая линия рта делали его старше своих лет.

– Группа на связь не вышла. И до точки встречи не долетела. По всему выходит, что самолёт сбит, – Малкин говорил медленно, словно взвешивая каждое слово. – У группы, разумеется, имелась рация. В случае непредвиденных обстоятельств они должны были выйти в эфир на запасной частоте. Но... тишина. Ни одного сигнала принять не удалось.

Пономарёв нахмурился, его брови сошлись на переносице, образуя глубокую складку.

– Значит, сбиты? – переспросил он, хотя ответ был очевиден. – И это несмотря на то, что заброска проводилась ночью!

– Увы, товарищ генерал-майор, – полковник развёл руками. – Вероятно, немцы усилили противовоздушную оборону в тылу. Их зенитки, похоже, теперь бьют даже в темноте. Или... – он замялся, – или у них есть разведданные. Кто-то мог сдать маршрут.

Хозяин кабинета резко выпрямился, его взгляд стал острым, как лезвие.

– Предательство? Ты это серьёзно?

Заместитель покачал головой, словно отгоняя собственные мысли.

– Пока не знаю. Но три группы подряд... Это уже не случайность. Либо немцы слишком хорошо подготовлены, либо у нас течь. Надо проверять.

– Очень плохо. Очень! – Генерал-майор ударил кулаком по столу, отчего карандаши и бумаги слегка подпрыгнули. – У нас с вами приказ от товарища Сталина: обеспечить максимальное содействие партизанскому движению в Белоруссии. И не просто содействие – мы должны создать там такую силу, которая будет мотать немцам нервы, срывать их поставки, взрывать мосты, пускать под откос поезда! А мы теряем людей, даже не доставив их до места! – Заместитель, соглашаясь, кивнул, и хозяин кабинета заговорил более сдержанно: – Я думаю,

вы прекрасно понимаете, что партизаны – это наш козырь. Немцы давят нас на фронте, а их самолёты бомбят наши города. Но в тылу... в тылу у них нет и не должно быть покоя. Каждый партизанский отряд – это заноза, которая не даст им спокойно спать. Немцы должны бояться лесов, бояться дорог, бояться каждого шороха! И тогда это будет существенная помощь войскам, сражающимся на передовой!

Генерал-майор Пономарёв встал и, заложив руки за спину, прошёлся по комнате. Его шаги гулко отдавались в тишине кабинета. Он остановился у карты, висевшей на стене. Красные и синие линии пересекали Белоруссию, отмечая фронт, оккупированные территории, предполагаемые маршруты и точки высадки.

– Партизаны – это не просто заноза, Николай Павлович, – сказал он, не отрывая взгляда от карты. – Это огонь, который мы разжигаем в тылу врага. Каждый взорванный мост, каждый подбитый грузовик – это удар по их тыловому обеспечению. Это меньше снарядов на фронте, меньше горючего для их танков, меньше хлеба для их солдат. Мы не просто сражаемся – мы душим их, медленно, но верно. – Он взял с полки папку, вытащил донесение и развернул его. – В Гомельской, Витебской, Лепельской зонах нет устойчивых связей. Только слухи – мол, местные жители бьют немцев из засад. Но это не армия, а разрозненные группы. Нам же нужна система. Нужна сеть.

– Для этого и создавались наши забрасываемые группы, – озвучил очевидное Малкин. – Группа капитана Самохвалова должна была заложить основу штаба в районе Лепеля, связаться с подпольем, передать радиостанцию.

– А теперь её нет... – мрачно произнёс генерал. – И мы даже не знаем их судьбы.

Он сел за стол, положил руки на колени и долго смотрел на карту.

Потом медленно произнёс:

– Придётся менять подход. Прямые перелёты слишком опасны.

– Согласен, – кивнул полковник. – Можно действовать через мелкие пешие разведгруппы. Пусть пересекают линию фронта пешком, под прикрытием. Медленнее, но надёжнее.

– Верно! – Пономарёв задумался. – Только надо повысить их секретность и обеспечить им надёжную связь.

Малкин тихо вздохнул.

– Людей не хватает, товарищ генерал. Особенно тех, кто умеет работать в тылу – разведчиков, связистов.

– Найдём, – уверенно сказал хозяин кабинета и повторил: – Найдём. Сейчас вся страна работает на фронт, но и партизаны – это тоже фронт. Без них мы не остановим немецкие эшелоны, которые непрерывным потоком идут на восток. – Он подошёл к окну и вздохнул. – Война не ждёт. До лета меньше двух месяцев. Если мы не создадим к тому времени масштабные устойчивые центры, в июне будет поздно.

– Понял, товарищ генерал. – Малкин поднялся. – Разрешите приступить к подготовке новой группы?

– Приступайте. Только теперь – без самолётов. Пусть, как вы и предложили, идут пешком. Ночами, через линию фронта. Минимум груза: только оружие, рация, сухпаёк и медикаменты. Возможно, тогда у них появится шанс не быть обнаруженными и выполнить возложенную на них миссию – существенно увеличить и скоординировать партизанское движение.

Глава 7 По-другому нельзя

Вчера до самой ночи возился с новой базой. Вначале тщательно подыскивал место в семи километрах от объекта и трёх от лёжки, где располагался Сергей. Выбор не был случайным: укромный овраг, заросший молодыми елями, в пятистах метрах от небольшого ручья выглядел вполне приемлемо. Вода в лесу – это жизнь, и я уже успел убедиться, что она должна быть под рукой. Конечно, я мог бы возить питьевую воду дроном – но это было не только расточительно, но и опасно: беспилотник хоть и малозвучный, но не невидимый. Забредёт случайный крестьянин или не дай бог немецкий патруль – и заметит в небе железную птичку. И возникнет ненужная проблема: начнутся вопросы, слухи и поиски. Этого мне, разумеется, было совершенно не нужно, так что решил действовать по старинке и нашёл источник воды. Овраг вообще казался идеальным местом: глубокий, со склонами, укрывающими от ветра, и имеющий удобный спуск к ручью.

Оружием мой подопечный в общем-то обеспечен – у него имелся ППШ, а вот всё остальное – продукты, посуду, медикаменты, тёплые вещи – нужно было доставить мне. Я составил список и принялся за упаковку. Продукты рассортировал по группам – консервы отдельно, крупы отдельно, аптечку в герметичный контейнер. Почти каждую вещь приходилось подгонять под ограничения по весу. Дрон мог нести пять килограмм, но я решил не рисковать и ограничился четырьмя – пусть моторы живут дольше. Приходилось тщательно взвешивать каждый пакет. Отрывал фабричные ярлычки и зачищал все надписи, которые могли бы указать год и место изготовления.

Иногда словно бы смотрел на себя со стороны и удивлённо качал головой, чувствуя себя не студентом-инженером, а контрабандистом, переправляющим будущие технологии в прошлое. Но шутки шутками, а всё же делиться знаниями из будущего я был пока не готов.

В который уже раз возвращаясь на базу, краем глаза заметил что-то странное. На южной опушке, где склон поднимался к холму, стоял старый массивный дуб с корявыми ветвями. Приблизившись детально, осмотрел исполина и вскоре заметил то, что изначально привлекло моё внимание – в стволе на высоте около шести метров от земли виднелась самая настоящая вентиляционная решётка, металлическая, с проржавевшими краями.

Подлетел ближе и всмотрелся – не показалось.

«Получается, дерево перенеслось вместе с вентиляцией?» – мелькнула мысль.

Чтобы убедиться в её правоте, облетел дерево с разных сторон и, к своему удивлению, заметил ещё кое-что: на самом верху к одной из веток была прикреплена маленькая видеокамера с солнечной батареей.

– Ого! Очень интересно, – хмыкнул я, сделав ещё один круг.

Больше ничего подозрительного обнаружить не удалось, и я вернул дрон на базу.

Подключил аккумулятор к зарядке, а сам направился в компьютерную, ставшую центральным постом. В меню безопасности отыскал карту расположения видеокамер – и глазам не поверил: из двадцати штук не работали всего две. Остальные функционировали!

На экране мелькнули живые кадры – куски неба, поляны, просеки, старые дороги. Некоторые камеры смотрели в сторону одной из деревень.

Я едва не подпрыгнул от радости. Получалось, что не только сам объект, но и его коммуникации переместились во времени! И пусть половина камер располагалась не там, где хотелось бы, всё равно – это очень полезная система наблюдения, которую всё же можно было, кроме всего прочего, сделать ещё и системой раннего оповещения.

Продолжил изучать интерфейс и наткнулся на пункт: «Датчики движения». Это как раз то, что нужно! Сердце забило чаще. Активировал опцию для каждой камеры – и на мониторе

вспыхнули маленькие красные маркеры. Теперь система могла фиксировать любое движение в радиусе нескольких десятков метров.

Это меняло всё. Отныне я мог знать о приближении любых гостей заранее. И совершенно неважно, кто это будет – разведка немцев, местные или даже звери – я буду об их приближении знать заранее, а значит, сумею подготовиться.

Воодушевлённый тем, что буквально за пару минут мои шансы на выживание значительно увеличились, отложил более точную настройку на потом и, вернувшись в столовую, продолжил заниматься упаковкой припасов. Расфасовывал продукты в бумажные кульки, аккуратно складывал в картонные коробки, обматывал скотчем, чтобы внутрь не попала влага, и относил к выходу.

Когда аккумулятор зарядился, дрон снова поднялся в воздух. Один за другим грузы уходили к новой базе. И уже скоро в овраге их скопилось столько, что впору открывать небольшой склад.

К вечеру завершил последнюю доставку, после чего, используя захваты, кое-как смог накинуть на горку припасов брезент и замаскировать ветками и прошлогодней листвой. С высоты это выглядело как обычный грязный холм, на котором валялись старые упавшие сучья. Следовательно, пилот случайно пролетевшего немецкого самолёта ничего подозрительного не заметит. А именно это мне было и нужно!

– Всё! На сегодня хватит. Да и вообще пока хватит, – сказал я вслух и даже улыбнулся. День выдался продуктивным.

Выключил очки, отключил запасной монитор, поел, ополоснулся в душе и с чувством выполненного долга лёг спать, радуясь, что за день успел приготовить всё для развёртывания нового лагеря.

Но утром меня встретило нечто неожиданное.

Я прилетел к Сергею, как и договаривались, в шесть утра. И ничего не предвещало беды. Всё начиналось вполне мирно: короткое приветствие, обмен парой фраз. И пока мы двигались в сторону стоянки, разговор шёл вполне себе спокойно. Однако когда мы добрались до места стоянки, всё кардинально изменилось.

Сергея будто подменили. Лицо его стало мрачным, губы сжались, глаза прищурились.

– Ты должен был прийти сам! – постоянно твердил он, не желая слушать никаких аргументов.

Я попытался объяснить, что это небезопасно, что моё появление может нас обоих погубить, но все мои слова летели в пустоту. Разведчик-диверсант аргументы не принимал, был раздражённым, усталым и на грани срыва.

Он оттолкнул коробку с припасами и послал меня куда подальше, сказав, что ему моя помощь больше не нужна!

От его поведения я ошеломлён. В груди поднялась тяжесть – смесь обиды и тревоги. Всё, что я делал, было ради него. И вот теперь...

Теперь я понял главное: я не ошибся, когда решил не пускать его на объект. Расшатанная, истощённая войной психика делала его непредсказуемым. С таким человеком под одной крышей жить было попросту опасно.

Он ушёл своей дорогой, а я, решив, что сделал всё возможное, вернул беспилотник на объект.

Коробки и ценные вещи, перевезённые в овраг, оставил на месте. В глубине души я всё ещё надеялся, что Сергей остынет и вернётся. А если нет, то припасы собирался перевезти назад ближе к ночи.

Вечером, когда я вновь подлетел к оврагу, чтобы проверить, не вернулся ли раздражённый визави, никого там не обнаружил.

– Ну, значит, он сам выбрал свою судьбу, – сказал я себе и попытался выкинуть из головы все, что с ним было связано.

Перевозка припасов обратно на базу заняла не более трёх часов, и вскоре, занеся в коридор последний узелок, в котором лежала туристическая надувная подушка, я закрыл за собой дверь и занялся текущими делами. По разработанному мной плану нужно было начать расчищать одно из помещений – цех готовой продукции.

Работа оказалась утомительной: лопатой выгрёбал землю, возил тачку за тачкой к выходу возле столовой и высыпал в длинный коридор. Вывозить землю наружу пока не решался – боялся демаскировать убежище.

Через какое-то время каждое движение начало отдаваться в спине тупой болью. Руки гудели. Работа была не просто скучной – она выматывала и даже злила. Но останавливаться просто нельзя.

«Вдруг в завалах попадётся целый дрон, готовый к использованию. Тогда у меня окажется запасной экземпляр. Сейчас в моём распоряжении имеется только «Семицветик», потеряй я его – останусь слепым и беззащитным. А вот если появится ещё один, то шансы на выживание значительно увеличатся, ведь потеря одного беспилотника не будет означать конец воздушной разведки».

Однако на сердце всё это время было беспокойно. И чем больше я возил землю, тем чаще в голову лезли мысли об ушедшем разведчике.

«Как он там? Жив ли? Сможет ли выжить один, без припасов, без медикаментов? Да, кое-что, я заметил, из коробок он взял, но это же сущие крохи».

Каждая мысль словно ножом резала внутри. Я видел перед глазами его упрямое лицо, усталые глаза. И чем дольше размышлял о нелёгкой судьбе попавшего в беду человека, тем сильнее накручивал себя.

И, в конце концов не выдержав, бросил тачку, стряхнул с рук грязь и подбежал к аккумулятору, который перед вылетом следовало установить на место.

– Ну и что, что он обиделся, – бормотал я, надевая очки управления дроном. – Ему можно обижаться. Он ранен и на грани. Я тоже на грани... но у меня хоть укрытие есть. А он там, один, среди немцев...

Я должен был его найти.

Едва дрон поднялся в воздух, включил тепловизор. Лес тянулся передо мной холодным, застывшим ковром, и только редкие точки тепла, излучаемые зверями и птицами, обозначали жизнь.

Я летел от места, где собирался организовать базу, петляя между кронами и стараясь не повредить лопасти винтов.

Вскоре на экране вспыхнуло яркое пятно.

«Он?»

Приблизился, но это оказался не человек. Одиноким волк стоя посредине поляны и настороженно смотрел вверх. Потом тепловизор показал ещё – целую стаю, бредущую словно тени среди деревьев. Не заостряя на них внимание, я летел дальше, рыская объективом камеры.

В корнях поваленного дерева мелькнула лиса, следом несколько зайцев, но человека нигде видно не было.

– Ну и куда же ты пропал, Сергей?.. – пробормотал я сквозь зубы.

Решил расширить зону поиска и направил дрон к ближайшим деревьям. Логика подсказывала, что если он не погиб, то, возможно, пошёл искать еду или помощь там.

Начал с населённых пунктов, что располагались на востоке. Именно в той стороне среди перелесков и полей находилась деревня Никитино. Та самая, возле которой разбился самолёт, где я впервые встретил разведчика.

Приблизившись к населённому пункту, плавно снизил беспилотник к самым верхушкам деревьев, включил камеру с оптическим увеличением и стал наблюдать.

Деревня жила своей неторопливой жизнью. У сарая женщина в старом платке вешала на верёвку мокрое бельё, рядом кто-то копался в огороде. По двору бродили куры и бегала пара собак. В окне одной из изб мелькнула тень, дверь скрипнула, и наружу вышел бородатый мужчина в старом поношенном тулупе, перетянута бечёвкой, и в потёртом картузе. На ногах – валенки, залатанные мешковиной.

Но не одежда привлекла моё внимание, а белая повязка на рукаве.

– Полицай... – выдохнул я.

К горлу подкатил ком.

Вскоре за ним из избы вышел ещё один – помоложе, с выбритым подбородком. Крикнул что-то в распахнутую дверь, и оба направились к сараю. Один вдруг вернулся, взял стоящее у стены ведро с водой и догнал напарника.

Первый в это время уже открыл ворота сарая. На лице мелькнуло раздражение. Он что-то выкрикнул в темноту, замахнулся ногой и пнул то, что лежало на полу, завернутое в солому.

– Пьяный, что ли? – не понял я, приглядываясь.

Но, когда второй вошёл внутрь и вылил ведро прямо на этот «мешок», я понял, что это вовсе не мешок.

Это был Сергей.

Он лежал со связанными за спиной руками и ногами, стянутыми ремнём. Губы разбиты, глаза полузакрыты, на щеке сохлась грязь, смешанная с кровью.

От увиденного у меня кулаки сжались так, что ногти впились в ладони.

– Ах вы, твари поганые... – прошипел я, глядя на экран.

Нужно было что-то срочно предпринимать.

В голове мелькнула мысль: «А ведь в этом я виноват... Именно я. Если бы не та глупая ссора, не моё упрямство, он бы сейчас не оказался в лапах у этих подонков».

Глубоко вдохнул, стараясь вернуть самообладание. Сейчас нельзя впадать в отчаяние. Самобичевание и самообвинения в данный момент делу никак не могли помочь. Нужно было думать.

– Как я могу его спасти? – тихо произнёс я вслух, стараясь мыслить логически, как на экзамене по системному анализу – холодный расчёт против паники. – Так как мне действовать?

«Перестрелять полицейских? Нереально. Даже если у меня в арсенале имеется оружие из 2025 года – толку от этого немного. У них, конечно, менее продвинутые образцы – скорее всего, обычные винтовки, у кого-то может быть даже и МР-40, но не в этом дело. А в том, что их банально больше. Следовательно, и плотность огня с разных сторон по мне будет выше. А пуля – она и в сорок втором, и в двадцать пятом одинаково смертельна. Как только меня заметят, прижмут огнём к земле, и тогда всё. Даже без теории вероятности ясно, что при таком соотношении сил шансов на выживание у меня – ноль».

Прошёлся по коридору. Сердце, в который уже раз за последние дни, бешено колотилось.

«Вот была бы у меня снайперская винтовка, тогда бы... – задумался на пару секунд, а потом покачал головой. – Впрочем, даже она могла бы не помочь, ведь, не будучи профессиональным снайпером, в одиночку против того же взвода долго не продержишься. Всё равно вычислят направление огня, окружат и закидают гранатами».

Сжал кулаки в бессильной злобе.

– Эх, мне бы тоже гранаты не помешали... не камни же на пособников фрицев кидать.

И тут я хлопнул себя по лбу, да так, что очки чуть не слетели.

– Балда! У меня же есть арсенал! Первый был завален землёй, а вот второй должен быть цел.

Я бросился по коридору. У массивной двери арсенала № 2 остановился и, дёрнув ручку, застыл. Как и в прошлый раз, дверь даже не шелохнулась.

Провёл рукой по металлу, который, вполне возможно, мог быть даже бронёй. Замки массивные, промышленные. Без ключей такие точно не вскрыть.

Пнул ногой – бесполезно.

Где-то глубоко в дебрях разума мелькнула отчаянная мысль: «А что если взорвать?»

Но тут же отмёл её как полную глупость. Даже если бы у меня была взрывчатка, подрывать боевой арсенал, да ещё и в подземном бункере, который к тому же находится в аварийном состоянии – чистое безумие.

«Да и не сапёр-подрывник я, а обычный студент-технарь. Хрен знает, как вообще подобные штуки подрывать надо. Разумеется, кое о чём я догадываюсь, но практики-то у меня не было».

Постучал костяшками пальцев по стене рядом с дверью. Звук глухой, что, скорее всего, означало одно – сплошной монолит. А если это так, то с вероятностью, близкой к абсолютной, тут залит хороший, крепкий бетон, вдобавок ещё и армированный. Значит, даже огромному строительному отбойному молотку с таким справиться будет ой как непросто.

«Но доступ-то к арсеналу у кого-то же должен был быть, – рассуждал я, пытаюсь мыслить логически. – В случае тревоги это помещение следовало незамедлительно открыть. Значит, ключ где-то есть. Но где? У кого вообще должен быть тот гипотетический ключ?»

Ответ пришёл мгновенно: у охраны.

Я вспомнил первые минуты после катастрофы, когда впервые очнулся в этом времени и наткнулся на лежащую на полу кучку одежды. Форма, оружие, личные вещи и связка ключей, которую я тогда просто отложил в сторону.

Не теряя времени, побежал туда. Они оказались там же, где я их и оставил – на перекошенном стихией металлическом столе.

Вернувшись к арсеналу, понял, что не всё так просто – в двери оказалось два замка. Стал перебирать ключи – один, второй, третий... ничего. Один поворачивался, но не до конца, другой после поворота на середине застревал. Пот струился по спине, а тело била нервная дрожь.

– Да чтоб тебя! – ругался я, дёргая в очередной раз за неподдающуюся ручку.

После нескольких минут мытарств, так и не добившись результата, бросил всё и побежал в компьютерную. Надел очки. Подключил тепловизор и увеличил изображение.

Сергей всё ещё был в сарае. Почти без движения. Один из полицаев стоял рядом, лениво покуривая. На земле виднелась лужа крови.

– Пока жив... – прошептал я.

И это «пока» обожгло хуже выстрела.

Я снова сорвался с места.

– Да как же она открывается?! – закричал я, хватаясь за голову.

В панике стал трясти дверь, пинать и ругаться на всё и всех.

А потом вдруг застыл от пришедшей в голову мысли: «Два замка. Тогда, возможно, необходимо одновременное открытие?»

Сосредоточился.

– Если повернуть оба ключа синхронно...

Вдох. Выдох.

Одной рукой вставил первый, другой – второй. И повернул...

«Чи-чик!» – донёсся до ушей вожденный механический звук.

Дверь дрогнула и открылась на пару сантиметров. Я толкнул её сильнее, и тяжёлая стальная створка послушно пошла внутрь.

Нашарил рукой выключатель. Зажёгся свет.

И когда я увидел то, что хранилось внутри помещения, мне оставалось только удивлённо присвистнуть...

Глава 8 Попытка не пытка

За дверью передо мной предстал скромный, но внушающий уважение арсенал, от вида которого сердце забилося быстрее. На стеллажах, покрытых тонким слоем пыли, лежали три автомата АК-74. Рядом аккуратно разместились пять боевых пистолетов ПМ, три газовых ПМ и десяток баллончиков со слезоточивым газом. Десять дымовых шашек, сложенных в углу, дополняли картину. На нижних полках громоздились цинки с патронами, а немногим выше стояли в секциях магазины для автоматов и обоймы для пистолетов, тускло поблёскивая в полумраке. В шкафу, словно часовые, ждали своего часа пять комплектов полевой военной формы и пять бронежилетов, аккуратно развешанных, будто кто-то заранее подготовил их для предстоящей операции.

Но моё внимание приковал небольшой деревянный ящик на верхней полке. Он резко выделялся на фоне стандартного военного снаряжения – угловатый, грубо сбитый, словно сделанный на скорую руку. Я протянул ладонь, чувствуя, как пальцы дрожат от напряжения, и открыл крышку. Внутри лежали десять гранат Ф-1, тех самых «лимонок», которые могли стать моим ключом к спасению младшего лейтенанта, попавшего в лапы полицаев. Ящик выглядел нештатным, и это вызывало вопросы. Куда делись остальные гранаты? Возможно, они остались в заваленном арсенале № 1, который я так ещё и не смог раскопать? А может быть, эту партию доставили в таком виде, как есть – всего десять штук. Кто знает, вполне возможно, кто-то решил, что этого хватит для того, чтобы отбиться от вероятного противника, который решится напасть на объект, или по каким-то другим причинам. Но сейчас это было неважно. Главное – у меня нашёлся боезапас, с которым я мог попытаться вытащить Сергея из беды.

Аккуратно вытащил ящик и поставил его на пол. Гранаты лежали плотно, их шершавые корпуса холодили ладони. Итак, их десять штук. Не так много, конечно, но, если всё сделать правильно, вполне достаточно, чтобы устроить хаос. Нештатное происхождение боеприпаса подтвердило ещё и нахождение десятка уже собранных взрывателей рядом с ящиком – они, хоть и аккуратно лежали в коробке, завёрнутые в тряпки и упакованные каждый в пупырчатую плёнку, но так их не хранят и не перевозят. Я не был докой в этом вопросе, но логика подсказывала, что болванки – корпуса гранат – лучше хранить от взрывателей как можно дальше. А потому отнёс их к заваленной мастерской дронов, решив этой частью коридора пока не пользоваться.

И стал лихорадочно планировать операцию по спасению.

Ввиду того что имеющийся дрон оснащён только двумя захватами, мои возможности были ограничены: за один вылет я мог сбросить только два боеприпаса. И это существенно уменьшало боевой потенциал.

Но проблема заключалась не только в этом. Дело в том, что данная модель изначально не проектировалась как бомбардировщик – эта машина предназначалась для совершенно других – полицейских – задач по обеспечению правопорядка. Пришлось вспомнить всё, что я знал о боевом применении дронов. На четвёртом курсе технического университета нам показывали документальные фильмы о первых испытаниях беспилотников. В них энтузиасты приспособивали подручные средства для сброса боеприпасов – простые, но эффективные механизмы. Я вспомнил кадры, где гранаты сбрасывались так, что захваты разжимались, предохранительная планка отлетала, и боеприпас через должное время срабатывал. Система была незамысловатой, но требовала точности. Я знал, как это сделать, хотя и не без труда.

И уже скоро мои руки, привыкшие к клавиатуре и паяльнику, возились с боевыми гранатами.

Однако задача не сводилась к тому, чтобы просто сбросить гранаты на головы полицейских. Главная загвоздка состояла в другом. Мне нужно было застать их врасплох, заставить отпустить Сергея, при этом не навредив ни ему, ни местным жителям, которые могли оказаться поблизости. И вот это оказалось действительно настоящей проблемой.

Вынес ящик с гранатами наружу, к площадке, где ждал дрон, и начал снаряжать его, попутно прикидывая план действий. Холодный ветер обжигал лицо, а в голове крутились цифры и расчёты. Скорость дрона – чуть больше ста километров в час. До Никитино, где держали Сергея, девять километров. Значит, полёт займёт около пяти минут. Я прикинул траекторию: дрон взлетит, пролетит над лесом, минует холмы и подлетит к деревне. Но что дальше? Самый очевидный вариант – закидать дом полицейских гранатами, уничтожить их и каким-то образом освободить Сергея. Возможно, придётся взорвать ворота сарая, где его держат. Но тут возникла дилемма. Граната Ф-1 – это не игрушка. Взрывная волна и осколки разлетаются на сто пятьдесят метров, а то и больше. Один неверный шаг – и пленённый разведчик может пострадать. Кроме этого, добавлялась и ещё одна проблема: граната на дом, другая на ворота – и я пуст, а значит, беспилотник сразу же становится фактически бесполезен как огневая поддержка. Придётся возвращаться на базу, перезаряжать дрон и снова лететь в деревню. На всё это уйдёт минут тринадцать-пятнадцать, в лучшем случае десять. За это время уцелевшие полицейские успеют не только оклематься, спрятаться, но и, чего доброго, отыгаться на Сергее.

По идее, можно сократить время подлёта, если самому переместиться ближе к деревне, но это сейчас вообще не вариант, потому что заняло бы часа два, а то и больше.

Но времени на это не было. План трещал по швам, и я чувствовал, как испарина выступает на лбу, несмотря на холод моего подземелья.

Задумался. Пальцы осторожно закрепляли боеприпасы, а в голове роились варианты. Может, сначала не освобождать младшего лейтенанта, а сосредоточиться на уничтожении полицейских? Первый рейс: один сброс – на дом, второй сброс – уничтожение тех, кто выживет и захочет прийти на помощь полицейским. Потом возвращение, перезарядка и новый рейс уже по освобождению. Одна граната на ворота сарая, если никакого не удастся рекрутировать на открытие, вторая – для прикрытия отхода. Прикинул вес: одна «лимонка» – 600 граммов. Дрон способен поднять до пяти килограммов. Следовательно, шести лимонок для организации хаоса и уничтожения всего и вся точно должно хватить.

Перед запуском ещё раз прокрутил весь план в голове.

«Подлетаю, через тепловизор определяю, где находятся полицейские, и сбрасываю гранаты. Среди выживших начнётся паника. Через динамики дрона приказываю одному из них освободить Сергея, а оставшимся боезапасом прикрываю отход. Если полицейских не будет, то разговариваю с каким-нибудь из местных жителей, которые обязательно сбегутся посмотреть на происходящее. Прошу или приказываю ему Сергея развязать, и под прикрытием беспилотника тот отходит в лес».

Логично, но узкое место – моя речь. Я пока не подготовил текст, и сейчас, на ходу, в голове крутилось лишь что-то злобное, пышно сдобренное нецензурной бранью. Конструктивного – ноль.

«Ладно, придумаю по дороге», – решил я, запуская «Семицветик».

Через пять минут уже был над Никитино. Дрон завис над деревенским домом, и я включил тепловизор.

У северной стены за столом сидели четверо полицейских. Их тепловые силуэты отчётливо выделялись на экране.

«Отлично, всех одним махом», – мелькнула мысль.

Перевёл камеру на сарай, где держали Сергея. Увеличив фокус, разглядел в щель между досками его фигуру – он лежал в углу и тяжело дышал, отплёвываясь кровью.

– Вот же гады! – прорычал я, готовясь начать атаку.

Но тут появилось ещё одно действующее лицо – хозяйка этого дома. Она вошла в комнату и поставила на стол перед полициями большую бутылку.

«Чёрт, а где женщина, там могут быть и дети», – ошеломлённо подумал я.

Облетел дом, внимательно осматривая каждый угол через тепловизор. К счастью, больше никого не обнаружил. Только эти пятеро – четверо полицейских и так некстати появившаяся хозяйка.

Вернулся на исходную позицию.

«И что теперь?»

Операция была на грани срыва. Убивать невинную женщину я не собирался. Моя совесть, несмотря на весь этот кошмар войны, всё ещё оставалась со мной.

Не зная, как поступить, решил подлететь ближе и послушать, о чём они говорят.

Дрон бесшумно опустился к окну, и я, активировав микрофон, уловил обрывки разговора.

– Акулина, позови свою подругу, Анну-то. Что ж она не идёт? – хрипло спросил один из полицейских. Его голос был пропитан самогоном и наглостью.

– Да боится она вас, – ответила хозяйка, которую, видимо, звали Акулиной. Её тон был усталым, но в нём сквозила какая-то покорность.

– Немца, значит, который к ней заходит, не боится, а нас боится? – с издёвкой продолжил полицейский, и я услышал, как остальные хмыкнули.

– Она и немца боится. И вас. Думает, что приставать будете, – засмеялась Акулина. – А вы и будете!

– А ты скажи, что не будем. Всё честь по чести. Села бы с нами, отметила б, что поймали краснопузого. Сдадим его немцам, и нам благодарность будет и премия.

– Думаешь, не обманут? – с сомнением спросил ещё один полицейский, постукивая пальцами по столу.

– Нет! Господин обер-лейтенант обещал, что, если поймает диверсанта, щедро наградит. Ты ж сам слышал, когда старост с округи собирали, – отрезал бородатый, явно главный среди них.

Его голос был грубым, уверенным, как у человека, привыкшего отдавать приказы.

– А наш староста с сыновьями зачем в город укатил? – с любопытством поинтересовался кто-то из сидящих.

– Не твоего ума дело, – буркнул бородач, и в комнате повисла тишина, прерываемая лишь звяканьем рюмок. – И кстати, ту Аньку он вроде как старшему сыну в жёны хочет.

– Да ну, правда, что ль? Она ж вроде против новой власти. Так ведь, Акулина? – хмыкнул другой насмешливо.

– Дура она городская, ничего не понимает, – отмахнулась женщина, и её голос стал резче, будто она оправдывалась. – И упёртая, что твой баран!

– Вот немцы её оприходуют, тогда поймёт, – хохотнул бородач, и его смех подхватили остальные. – А пока давайте выпьем за победу Третьего рейха и за нашу, значит, удачу!

– Ох, хорошо бы вы всех этих проклятых комиссаров поскорей бы уже переловили да и повесили. Немец всяко лучше власть, чем красные, – сказала сволочь в женском обличье, подняв вместе с полицейскими рюмку, чем, собственно, полностью развязала мне руки.

До сего момента у меня в планах было дожидаться, пока женщина покинет дом, чтобы полностью исключить лишние жертвы. Но после её слов, после поддержки тоста за «победу рейха» и презрительного упоминания о «красных» я понял, что жалеть её вовсе не стоит.

«Что ж, тётя, ты сделала свой выбор», – пронеслось в голове, и я почувствовал, как внутри закипает холодная решимость.

Пора было действовать, и я начал поднимать дрон выше. В это время один полицейский, вероятно, услышав шум винтов, настороженно высунулся в окно и, прищурившись, стал всматри-

ваться в ночную мглу. Ничего не обнаружив на уровне глаз, он поднял голову и уставился прямо в камеру, после чего воскликнул:

– А это что за диво такое?!

Его лицо, искажённое удивлением и страхом, я запомнил навсегда, хотя для него эти секунды стали последними в его поганой жизни.

Почему? Да потому, что к этому моменту я уже подлетел к трубе, активировал захват и сбросил смертельный груз в дымоход. Летательный аппарат ещё не успел подняться на безопасное расстояние, когда снизу донёсся оглушительный грохот взрыва.

Дом буквально разорвало на части: стены затрещали, крыша обвалилась, а остатки строения тут же охватило пламя. Взрывная волна подбросила дрон разом метров на пять, и я потратил немало времени и нервов, чтобы выровнять «Семицветик».

«Строго учтём на будущее – три гранаты на таком расстоянии развалят не только цель, но и могут покалечить бесценный беспилотник.

Посмотрел в камеру. Никто из полицейских живым из дома не выбрался. Огонь яростно вцепился в деревянные балки, выбрасывая в небо искры, которые растворялись в вечернем сумраке. Взрыв наделал столько шума, что, казалось, вся деревня должна вот-вот сбежаться на этот грохот. Поэтому времени дальше размышлять не оставалось – нужно срочно спасать разведчика.

Направил дрон к месту заточения пленника. Через тепловизор я видел его фигуру, всё ещё лежащую в углу. Он был жив, но едва шевелился.

Подлетел ближе, включил динамик и, стараясь говорить негромко, произнёс:

– Сергей! Очнись! Сергей! Можешь идти?

Тот заворочался, медленно повернулся в сторону двери.

– Николай, это ты? – донёсся из динамиков слабый голос измученного пленника.

– Да! А кто ж ещё?! – ответил я, чувствуя, как адреналин бьёт по вискам. – Так, как мне тебя освобождать?

– Я... я не знаю. Я связан, – прохрипел он, и в его голосе чувствовалась безнадежность.

Увеличил изображение: руки и ноги были крепко стянуты грубыми верёвками, узлы выглядели тугими – верёвки не снять без инструмента. Крутанул камерой на 360 градусов, но никого из жителей не увидел.

План спасения начал рушиться.

«Что же делать? Как его развязать? Где все деревенские? Неужели попрятались и никому не интересно, что происходит?»

Вопросы вихрем закружились в голове, пока я пытался найти решение.

«Неужели придётся всё же взрывать? Да ещё и тремя лимонками, которые только что разнесли дом? Нет – это по меньшей мере безрассудно. Да и вообще, даже если мне повезет и я сумею открыть дверь, то как Сергей освободится, если ему никто не поможет это сделать? Ведь для того чтобы разрезать верёвки, нужен нож. Разумеется, я мог бы доставить его дроном – не проблема. Но как передать нож Сергею, если его руки связаны за спиной? Самостоятельно разрезать путы, находясь в таком положении, практически нереально. Нужна помощь со стороны. А в этой части плана произошла осечка. Ни выживших полицейских, ни любопытных местных жителей, которых я смог бы привлечь к освобождению, видно не было.

В голове мелькнула безумная идея: привязать нож к дрону и, управляя им, попытаться разрезать верёвки, двигая БПЛА вперёд и назад. Но я тут же отогнал эту нездоровую мысль, представив, как всё будет выглядеть в реальности. Мой дрон – не ювелирный инструмент, а экспериментальная модель, созданная для тестов, а не для филигранной работы. Одно неверное движение – и вместо верёвок я искромсаю Сергею руки. И это ещё если повезёт...

«Тогда что же остаётся? Как освободить пленного?»

Я лихорадочно искал выход, чувствуя, как секунды утекают, словно песок сквозь пальцы.

В этот момент микрофон уловил резкий звук выстрела. Пуля просвистела где-то рядом, и я инстинктивно рванул дрон вверх, одновременно разворачивая камеру. Внизу, в нескольких метрах от сарая, стоял полицейский с винтовкой в руках. Его лицо было перекошено от ужаса, глаза округлились, а руки тряслись, пока он пытался прицелиться вновь. Судя по всему, он прибежал на звук взрыва, чтобы помочь своим «коллегам» по фашистскому ремеслу.

Прислужник новой власти смотрел на дрон, как на нечто сверхъестественное и, размахивая руками, кричал:

– Чур меня! Чур!

Тратить на этого дурачка три гранаты было жалко – боеприпасы стоило приберечь. Поэтому я через камеру быстро осмотрел местность. Заметив в огороде валяющийся булыжник размером с кулак, подлетев к нему, аккуратно подхватил камень свободным захватом, поднялся выше и, спикировав, нанёс удар прямо по голове всё ещё пытающегося взять на мушку беспилотник полицейский. Скорость аппарата была небольшой – я не собирался убивать гада, лишь хотел показать, кто здесь хозяин. Удар получился звонким: предатель отлетел в одну сторону, а его винтовка – в другую. Он рухнул на землю, держась за голову, и заскулил от боли.

Я подлетел ближе и завис над ним. Его лицо, бледное и перекошенное, блестело от пота. Хилый дрищ, неопределённого возраста, в замызганной майке и грязноватых штанах не по размеру, он походил на карикатурного алкоголика из старых фильмов.

Он закрылся руками, будто это могло его спасти, и резво закивал, словно соглашаясь с чем-то, чего я ещё даже не озвучил.

– Ты кто?! – пропищал хлюпик, дрожа всем телом.

– Я твоя смерть! Покайся, пока не поздно! – произнёс я через динамик, стараясь сделать голос максимально зловещим. – На колени, грешник!

Он тут же рухнул на землю, склонившись так низко, что его лоб почти касался грязи.

– И если ты не сделаешь, как я скажу, ждёт тебя погибель кровавая и ужасная, – продолжал я, усиливая мистическую атмосферу. – Я заберу твою гнилую душонку в пекло, как уже забрал мерзкие души твоих камрадов! А теперь отвечай мне и не смей врать: будешь подчиняться али нет?

– Д-да! Т-только жизнь оставь, – начал заикаться полицейский, едва сдерживая слёзы.

– Там видно будет! Но если не будешь делать, как я скажу, так и знай – не пощажу и отправлю прямиком в ад – там тебя уже давно ждут!

– Я сделаю! Сделаю! Только скажи что? И не забирай меня в геенну огненную. Не забирай! – Юродивый трясся как в лихорадке. Видимо, находился уже на грани панической атаки.

– Так делай!

– Ч-ч-что?

– Открывай дверь сарая и развязывай командира!

– Комиссара? – переспросил он, и в его голосе мелькнула надежда, что он нашёл контакт со страшной «жужжалкой».

– Он не комиссар, но это неважно! – отрезал я, а потом, решив, что сверхъестественные силы не вступают в полемику с такими, как этот дрищ, рявкнул: – А ну быстро освобождай, иначе издохнешь в адских муках прямо сейчас!

В ту же секунду тот, дрожа и оглядываясь, подбежал к сараю. Не найдя ничего лучше, схватил камень, которым получил по голове, и начал колотить по замку. После нескольких ударов замок поддался, и дверь распахнулась. Полицейский влетел внутрь и, путаясь в верёвках, принялся развязывать Сергея. Я следил за ним через камеру, готовый в любой момент сбросить оставшиеся гранаты, если тот вздумает выкинуть что-то неладное.

– Спасибо, – прохрипел Сергей, глядя на дрон, когда верёвки наконец упали на пол.

– Да не за что, – неожиданно буркнул полицейский, видимо, решив, что слова обращены к нему.

– Тебе-то и не за что, – согласился разведчик, потирая запястья.

Он медленно поднялся, шатаясь от слабости, вышел из сарая. Заметив валяющуюся неподалёку винтовку полиция, поднял её, после чего резко развернулся и с силой ударил предателя прикладом по голове. В ту же секунду тот рухнул замертво, не издав ни звука.

Я замер, глядя на экран. В голове щёлкнуло некое противоречие: де-юре я обещал тому подонку не забирать его в ад, а де-факто он уже там. Но размышлять об этике в данной ситуации было некогда. Пути Господни, как известно, неисповедимы, а дело утопающих – дело рук самих утопающих.

Я переключился на Сергея и заговорил через динамик:

– Не теряй времени, иди в сторону леса, который справа от тебя.

Направил камеру, чтобы показать направление. Разведчик, тяжело дыша, посмотрел в ту сторону.

– А ты разве там находишься? – спросил он, и в его голосе сквозило изнеможение.

– Нет, но ты должен запутать противника. Помни, мы не в пустой деревне. Тут десятки глаз сейчас наблюдают за всем происходящим в окна. Немцы приедут – местные всё расскажут, в том числе и о том, в какую именно сторону ты направился. Так что соберись и делай как нужно! Отдохнёшь позже, а сейчас иди! Ну а я взлетаю, чтобы беспилотник видно не было, и буду тебя прикрывать.

К счастью, уже бывший пленный не стал спорить. Он кивнул, сжал винтовку и, еле передвигая ноги, направился в противоположную от нужной сторону. Я видел, как тяжело ему даётся каждый шаг. Его тело крайне измучено, лицо покрыто кровью и грязью, а глаза, хоть и горели решимостью, выдавали крайнюю усталость. Я понимал, что он обессилен. Понимал, что ему нужны вода, еда, лекарства. Но сейчас ничего не мог сделать. Даже доставить ему что-то из этого списка не представлялось возможным: во-первых, я должен прикрывать его отход, а во-вторых, оставшиеся гранаты уже приведены в боевое положение. А возвращаться на базу с боеприпасом, чека у которого уже выдернута, было попросту опасно.

Глава 9 Где я?

Сергей приходил в себя медленно, словно выныривая из водных глубин. Сначала перед глазами мелькнуло размытое пятно света, затем он ощутил запах – не дым и не хлорка, а что-то незнакомое. Пошевелился, и тут же резкая боль пронзила рёбра и затылок. Только тогда он понял, что лежит не на земле, не на соломе и даже не на грубом брезенте, а на мягкой кушетке, покрытой чем-то серым, чистым, почти стерильным, как в больнице.

Приподнялся на локтях и несколько секунд оглядывался, пытаясь понять, где находится. Помещение выглядело странно: пустое, но аккуратное. Серые каменные стены, ровный бетонный пол. Вдоль одной из стен тянулись металлические полки с пустыми ящиками и небольшими контейнерами. На потолке – несколько прямоугольных ламп, излучающих яркий, белёсый свет без малейшего мерцания. Сергей моргнул. Свет был ровным, почти дневным, но холодным и непривычным.

«Таких лампочек в продаже не видел, – подумал он машинально. – Да и нигде таких не видел...»

Он осторожно коснулся рёбер – они ныли. В памяти вспыхнули обрывочные картины: полицаи, тёмный сарай, побои. Затем – яркая вспышка, рёв в небе, гул мотора. И... дрон. Да, именно дрон – маленькая летающая машина с пропеллерами – помог ему выбраться. Один из полицаев пал, винтовка оказалась в руках. Он шёл через лес, шатаясь, спотыкаясь, пока силы не покинули его. И он упал... а теперь вот это место – небольшая комната.

В голову пришла мысль: «Арсенал? Гм, возможно».

На металлических полках вдоль стены стояли ящики с непонятными метками – цифры, буквы, что-то не по-нашему. Помещение не походило ни на подвал, ни на склад РККА. Слишком чисто, слишком аккуратно для войны. Всё вокруг выглядело непривычно, как в какой-то научной лаборатории. Посмотрел на свою раненую ногу. Она была перемотана чистым бинтом. Пошевелил пальцами, боли почти не чувствовалось. Оглянулся. Рядом с кушеткой стояла низкая металлическая тумба. На ней – бутылка с прозрачной водой и тарелка с едой: картофель, котлета, кусок хлеба. Запах был домашним, знакомым, но пар от еды уже не шёл.

Потянулся было к тарелке, но замер.

«Возможно, еда отравлена? – тут же задумался он. Но потом отмахнулся. – Если бы хотели отравить, не стали бы спасать и кормить».

Однако как бы ни хотелось, всё же есть не стал. Он был не из тех, кто готов за миску похлёбки продать свою душу! Да и вообще, слишком странным казалось это место – чистота, тишина, неправдоподобная аккуратность.

Закрыв глаза, чуть полежал, а потом поднялся. Тело ныло, но слушалось. Стараясь не ступать на больную ногу, ковыляя, подошёл к тяжёлой металлической двери с блестящей хромированной ручкой и незнакомым замком. Потянул. Она не поддавалась. Толкнул – то же самое. Заперто.

Сергей вернулся к кушетке, придвинул её к стене под одну из ламп, встал на матрац и стал разглядывать незнакомую конструкцию. Плоская, вмонтированная в потолок, без проводов и патрона. Свет от неё лился ровный и холодный. Он коснулся поверхности. Та оказалась не горячей и даже приятно прохладной.

– Не наши это дела, – пробормотал он. – Немцы что-то новое придумали? Или кто на такое способен? Я многое видал, но чтоб вот так, свет без тени...

Он стоял, глядя на лампу, и в голове складывалась цепочка событий. Его поймали. Пытали. Потом этот... «беспилотник». Побег. Лес. Падение. И вот теперь он здесь.

Дошёл в забытии сам? А кто пустил? Кто перевязал и положил на кушетку? Да как он вообще это место сумел найти?

Ответ мог быть только один: сюда его принёс тот, кто называет себя Николаем. Нашёл его и притащил в бессознательном состоянии в место своего укрытия.

«Да, нет сомнения, что всё было именно так. Все улики сходятся. Дрон необычный. И место это необычное. Но кто я теперь для него? Пленник? Подопытный?»

Сергей сел на кровать и провёл рукой по щеке – щетина, грязь, засохшая кровь. Всё как после допроса.

«А ведь если бы хотел добить, не стал бы возиться. Значит, я ему или им, если он тут не один, зачем-то нужен живым».

Разведчик снова подошёл к двери и дёрнул за ручку – металл не шелохнулся. Решил постучать – раз, другой, ещё и ещё. Ответом была тишина. Только где-то глубоко, вроде бы как под полом, слышалось лёгкое ровное гудение.

«Паровой котёл? Трубы?»

Он стукнул снова, потом ещё сильнее.

«Неужели заперли и не слышат ничего? Ведь если я в бывшем арсенале... второго входа тут нет и быть не может – безопасность и контроль, это основное в таком помещении. А что будет, если сюда больше никто никогда не придёт?»

От этой мысли его словно переключило. В груди поднялась злость. Он стал неистово колотить в дверь руками, потом ногой. Гул железа раскатился по комнате, отдаваясь в стенах.

– Эй! Эй! Есть кто живой?! – кричал он. – Открывайте, черти! Откройте!

Ответа не было. Только гудение усилилось, и где-то в углу раздалось тихое, почти жужжащее стрекочущее звучание.

Сергей на мгновение замер, а потом резко обернулся. В верхнем углу, рядом с потолком, что-то мигнуло. Маленький блестящий глазок, словно чёрная бусина, казалось, сделал небольшое, едва уловимое движение, будто развернулся.

«Фотоаппарат? – догадался разведчик, нахмурившись. – Да, очень похоже, что это объектив. Только странный, без вспышки, без щелчка».

Он прищурился и подошёл ближе.

«Снимать решили? Заперли – и фотографируют? Это что, эксперимент какой-то?»

Злость поднялась как волна.

– Я вам не подопытный кролик! – крикнул Сергей, ударив кулаком по двери.

Железо загудело, боль отозвалась в костяшках. Он выругался и ударил снова. – Вы слышите меня?! Немедленно выпустите!

Он колотил и колотил, пока дыхание не сбилось. Потом вернулся к кушетке и, присев, поморщившись, погладил повязку на ране, которая вновь начала болеть.

«Твою же мать... Где я? Кто эти люди?»

Внезапно послышались шаги. Едва уловимые, но отчётливые. Кто-то подходил с другой стороны двери. Разведчик замер и выпрямился.

Послышался щелчок – будто в замок вставили ключ, и сразу раздался спокойный, немного приглушённый голос:

– Сергей, ты как себя чувствуешь?

Тот вздрогнул. Голос ему показался знакомым. Впрочем, он и был знакомым.

– Николай? Это ты? – проглотив застрявший комок в горле, спросил он.

– Я, – ответил тот.

Младший лейтенант встал и, глядя в сторону, откуда слышался голос, стараясь не сорваться на крик, произнёс:

– Открой дверь.

– Ты в нервном состоянии, – напомнил Николай. Его голос звучал спокойно, почти как у врача. – Я боюсь, что ты себя не контролируешь.

– Контролирую. Открой. Ничего я с тобой не сделаю.

– А ты что, до этого момента намеревался что-то сделать? – удивился голос.

– Нет, неправильно выразился. Просто открой дверь. Я обещаю, что буду вести себя как гость и ни на кого не нападу.

Николай помолчал, а потом коротко спросил:

– Даёшь слово?

– Да! Слово комсомольца! – ответил разведчик, напрягаясь всем телом.

За дверью повисла пауза.

Потом послышалось короткое движение, будто кто-то переступил с ноги на ногу, и голос ответил:

– Хорошо. Будем считать, что я тебе верю. Только прошу тебя: не делай глупостей и отойди на два шага назад.

Младший лейтенант медленно отступил, чувствуя, как сердце колотится, а где-то в горле стоит всё тот же ком. Он сжал кулаки и на всякий случай напрягся.

Раздался двойной щелчок, дверь дрогнула, скрипнула и медленно открылась.

В проёме возник молодой человек. Он оказался действительно ровесником Сергея – темноволосый, лет двадцати, может, двадцати двух; лицо чистое, загорелое, без щетины. Глаза внимательные. На нём была странная, хоть и явно военная пятнистая форма, не похожая ни на какую из знакомых красноармейских гимнастеров, кителей и даже десантных маскхалатов – узор больше напоминал большие грубые кляксы, будто кто-то рисовал их кистью. Ткань казалась тоньше, чем у известных ему образцов, а сама одежда сидела плотно, по фигуре, и в движении не шуршала. На ногах – тёплые тапочки или лёгкие домашние сапоги, трудно было сразу понять. На поясе у парня висел пистолет – не привычный наган и наш надёжный ТТ, но и не такой, как у немцев или у местных полицейских: рукоять и ствол – короткие, корпус гладкий, и даже отсюда оружие выглядело толстым и неуклюжим. Это сразу бросалось в глаза, потому что не было чем-то знакомым.

– Ну вот, – сказал парень спокойно. – Ты как?

Сергей уставился на него и первым делом нахмурился:

– Зачем тебе это? – он кивнул на пистолет.

– Для безопасности, – спокойно ответил тот. Затем чуть помялся и с виноватой улыбкой добавил: – Это не летальное оружие. Газовое. Особого вреда оно не причинит.

Разведчик, стиснув зубы от боли в боку, скептически усмехнулся:

– Ты опасаясь меня?

Николай посмотрел прямо в глаза и всем своим видом показал, что вопрос не смешон:

– А вот на это ты мне ответь: должен ли я тебя опасаться?

Сергей чуть помолчал, а потом сказал:

– Если ты не предатель и за нас, то тебе меня бояться незачем. Тем более что я слово дал. Да и жизнь ты мне спас – я тебе обязан.

Парень кивнул, словно соглашаясь и принимая признание, и тут же перешёл к делу:

– Хорошо. Тогда давай решим, как мы будем жить дальше. Ты согласен находиться на моём объекте и соблюдать мои правила? – спросил Николай.

Разведчику такая формулировка пришлась не по вкусу. В ней сквозила какая-то сухая уверенность, будто перед ним не растерянный студент, которым он якобы являлся, а офицер особого отдела. Но Сергей понимал: выбора у него особо не было. Раз он пообещал Николаю вреда не причинять – по крайней мере до тех пор, пока не убедится, что тот не враг, – приходилось идти на уступки.

– А у меня есть другие варианты действий? – хмыкнул он, стараясь скрыть неловкость и внутреннее раздражение.

– Есть, – всё так же спокойно ответил Николай. – Ты можешь уйти. Я тебя провожу, дам еды и медикаментов. И на этом наши с тобой пути-дороги разойдутся. Но можешь остаться – и находиться здесь в относительной безопасности.

Сергей прищурился, внимательно вглядываясь в лицо парня. Тот говорил без нажима, но в голосе ощущалась твёрдость, не свойственная двадцатилетним.

– А что это за место? – спросил он наконец.

– Научное предприятие по изучению работы беспилотной авиации, – коротко пояснил новый знакомый, будто уже повторял эти слова сотню раз.

Младший лейтенант нахмурился.

– И много у тебя этой авиации?

Николай задумчиво кивнул, потом обвёл рукой помещение:

– В наличии – немного. Пока всего один экземпляр – тот дрон, что ты уже видел. А вообще, в этом подземном комплексе должны быть ещё беспилотники, только достать их пока нет возможности. После «сдвига» – так я называю то, что произошло, – часть объекта оказалась завалена грунтом. Там были мастерские дронов, лаборатории, гараж и ещё несколько помещений, но добраться до них возможности пока нет. – Он на мгновение замолчал, а потом добавил с едва заметной усмешкой: – Одним словом, если решишь остаться, сможешь мне помочь эти завалы разобрать.

Разведчик хмыкнул.

– Прежде чем дать ответ, я хочу получить ответ от тебя. Только честный.

– Спрашивай.

– Откуда у тебя всё это?! Ты кто вообще?

Николай опустил взгляд, какое-то время молчал, потом медленно поднял глаза и грустно улыбнулся:

– Сергей, тебе, наверное, будет трудно в это поверить... но я не из вашего времени. Я переместился сюда из будущего. Из 2025 года.

Младший лейтенант готов был услышать что угодно, только не такое.

– Из будущего? – переспросил он глухо, не веря своим ушам.

Парень кивнул.

– Да. Несколько дней назад я приехал на предприятие, где мы испытывали беспилотники. В это время случилось нечто вроде землетрясения. Когда всё закончилось... оказалось, что мы – весь объект и я – переместились сюда – в сорок второй год. Прямо в разгар войны...

Он говорил спокойно, без суеты, без попыток убедить – словно просто рассказывал о прошедшем дне. И именно эта простота заставила насторожиться разведчика. В его голове пронеслась сразу тысяча мыслей.

«Бредит... или врёт? А может, и впрямь говорит правду?..»

Он вспомнил металлический корпус странного аппарата, с помощью которого Николай не раз спасал его, и слова странного парня уже не показались ему таким уж бредом.

«Если это ложь, то гениальная. Но, с другой стороны, откуда у него всё это? Где он взял эту летающую машину? Как захватил этот подземный бункер? А главное – почему не боится?»

Пока младший лейтенант молча переваривал услышанное, Николай продолжал. Он рассказал, как оказался здесь, как пытался связаться с внешним миром, как беспилотник помог ему провести разведку, как впервые увидел немцев...

Сергей слушал, стоя неподвижно, сжав руки за спиной. Он пытался найти хоть что-то, что выдавало бы ложь – интонацию или взгляд. Но как ни старался выявить, ничего подобного не получалось.

«Неужели... он действительно не из этого времени?» – думал Сергей, чувствуя, как внутри холодеет.

Мысль казалась совершенно безумной, но другого объяснения просто не было. Сколько бы он ни ломал голову, всё, что он уже видел и узнал, упрямо не укладывалось в рамки привычного, включая ту же светящую холодным светом лампочку.

Наконец он тяжело вздохнул, подошёл к стене и, облокотившись на неё, сказал:

– Ладно... Чёрт с тобой. Пусть будет так. Если ты и правда оттуда, из будущего... значит, всё это не зря. – Он поднял голову и посмотрел на Николая: – Оставь меня здесь. Я буду помогать.

На лице Николая мелькнуло облегчение.

– Вот и отлично, – ответил он и протянул руку. – Значит, будем работать вместе.

Сергей ответил на рукопожатие и кивнул.

– Будем!

Они шли по коридору. Повсюду встречались предметы, которые младшему лейтенанту казались одновременно знакомыми и абсолютно чуждыми. Он чувствовал себя так, будто попал не в подземелье, а в иной мир, где всё вроде бы создано руками человека, вот только ни суть творений, ни тех, кто их создал, даже не мог себе представить, слишком уж всё отличалось от его реалий.

Слева громоздился странный прибор с блестящим стеклом. Плоский как зеркало прямоугольник был тёмным, но под ним виднелись непонятные значки и лампочки. На соседнем столе стоял железный ящик с рядами маленьких клавиш, похожих на кнопки старой печатной машинки, только гладких и без букв.

Чуть дальше громоздились какие-то коробки с тонкими проводами, блестящими штекерами и короткими антеннами.

«Радиоприёмники? Очень может быть, что и так, – думал он. – Только, скорее всего, они игрушечные – уж слишком маленькие и аккуратные для настоящих».

Зашли в одно из помещений, которое, судя по табличке на двери, называлось столовой. Тут на полках тоже были неведомые вещицы с прозрачными крышками. Одну из них Николай назвал электрической кофемолкой. Сергей не до конца понял, как она могла молоть без вращения, без огня и без пара, но приходилось пока верить на слово.

На кухне, что соседствовала со столовой, на стене висел большой железный ящик с дверцей и прозрачным тёмным стеклом. Николай сказал, что это микроволновка и что она разогревает еду... излучением. От одного этого слова стало не по себе. Представил, как невидимое пламя греет пищу, и невольно забурчал.

Рядом стояли большие ящики, которые хозяин объекта назвал холодильниками – низкие металлические прямоугольники, с серыми блестящими дверцами и гладкими ручками. Не было ни шума, ни шипения газа, лишь тихое ровное гудение, в отличие от тех громко гремющих компрессорами холодильных агрегатов, которые Сергей видел однажды на выставке.

Каждый новый предмет вбрасывал в голову разведчика очередную волну удивления и шока.

«У нас такого точно нет и никогда не было. Неужели это правда и я нахожусь в месте, которое перенесено из далёкого будущего? Это безумие...»

Он шагал медленно и настороженно, то и дело останавливался, будто проверял – не исчезнет ли всё окружающее, если он моргнёт. Рука машинально вытирала выступавшую испарину со лба, но тот снова покрывался каплями пота.

Николай шёл впереди уверенно, будто показывал гостю родной дом.

– Здесь жилые боксы, – говорил он, указывая рукой. – Вот в этом, последнем, я живу. Тут вот циферка четыре написана. А вон там комната отдыха № 1, дальше санузел, столовая, кухня и продуктовый склад. Всё работает от электричества. Продукты хранятся долго. Я уже

убедился – холодильники вполне надёжные. А дальше – цеха и сборочные комнаты. Половина помещений под завалом, но остальное в порядке.

Сергей слушал, но больше смотрел. Он видел в стенах ровные гнёзда с блестящими отверстиями – розетки, провода, уходящие под потолок, аккуратные металлические ящики с огоньками. Он не понимал, зачем всё это, но чувствовал, что здесь царит неведомая ему мощная сила.

В одном из помещений, названном лабораторией, на длинных стеллажах лежало несколько разобранных летающих машин. Небольшие, с винтами и крохотными моторчиками. Все они своими очертаниями напоминали уже известный ему беспилотник.

Сергей остановился как вкопанный.

– Эти сломанные? – спросил он, не скрывая удивления.

– Не то чтобы сломанные – просто экспериментальные, – ответил Николай и пояснил: – Некоторые из них, возможно, удастся собрать, но пока они в нерабочем состоянии.

Разведчик моргнул и задал мучающий его вопрос:

– Слушай, скажи, а как ты видишь, куда лететь?

– Через камеру, – ответил парень, подошёл к стеллажу, взял одну из миниатюрных деталей и показал. – Вот это она и есть – камера. Она «видит» вокруг. Даже ночью. Есть особый режим – «инфракрасный», позволяет различать цели в темноте и дыму по тепловому следу.

Сергей слушал, затаив дыхание. Он не понимал половины слов, но ощущал масштаб. Это были не игрушки. Не выдумка. Эти машины могли видеть, летать и, очевидно, убивать. Он провёл пальцами по тонкому корпусу одного аппарата – металл был гладкий, как полированный фарфор.

– Камера... – шепнул он. – Без плёнки? Без глаза человека?

– Да, – подтвердил Николай. – Всё работает иначе. Эти машины умеют видеть лучше нас – людей.

У Сергея по спине прошёл холодок. В голове мелькнул образ фронта – грязь, окопы, крики и вопли раненых. Он представил, как подобная штука летит над врагом, передаёт изображение в эфир, и стало не по себе.

– Так рабочий дрон у тебя один? – хрипло уточнил он.

– Как я и говорил: пока – да. Остальные – под завалами. Там, в правом крыле, часть комплекса в грунт вошла при перемещении, ну или наоборот, грунт вошёл в комплекс. Это не столь важно. А важно то, что, если расчистить завалы, возможно, мы найдём ещё целые модели этой или другой техники.

Они подошли к обвалившейся стене. Сергей шагнул ближе, взгляделся в темноту и почувствовал, как внутри закипает злость.

Все эти чудеса техники, которые могли бы пригодиться фронту, лежали совсем рядом. Они могли помочь захлебывающейся в крови советской армии сдержать немцев. А этот спокойный парень, вместо того чтобы разгрести денно и ночью завалы, степенно рассуждает о своих железных птицах и холодильниках. И он не вытерпел!

– Так что ж ты весь такой чистенький, сытый и холёный тут в тапочках прогуливаешься, как на набережной?! – выплюнул он из себя, и его голос, отягощённый болью и стыдом, сорвался в крик. – Почему не роешь землю? Почему не достаёшь дроны? Почему не бьёшь немца? Там же наши гибнут! Ты просто трус! Трус и предатель!

Его тяжелые и болезненные обвинения гулко отразились от стен и повисли в воздухе. Николай резко поднял подбородок, словно бы получил удар в челюсть. Он сжал зубы, но не проронил ни слова, лишь исподлобья глядя на разведчика. Ответом его была не речь, а молчание, которое глубокой тишиной, словно свинцовый занавес, опустилось на коридор. И тогда Сергей понял, перед ним стоит далеко не трус, а человек, который может и готов прийти его стране на помощь.

Глава 10 Понимание непонимания

Сказать, что я был удивлён столь неожиданным нервным срывом, – это ничего не сказать. Я смотрел на Сергея, который, тяжело дыша, сжимал кулаки, и пытался понять, что именно вызвало такую реакцию. Нет, я, конечно, понимал, что человек прошёл через огонь и воду, потерял сослуживцев, а возможно, и друзей, был ранен, пленён и избит. Всё это понятно. Но винить меня в этом? Зачем? Я – простой парень, случайно попавший в это время, и так сделал всё, что мог, чтобы вытащить его из лап полицаев. И вот теперь, стоя перед ним, чувствовал, как неловкость и раздражение борются внутри меня. Эта ситуация требовала немедленного прояснения – как говорится, нужно было расставить все точки над «и» прямо на берегу.

Я глубоко вдохнул, стараясь говорить спокойно, но твёрдо:

– Твои претензии абсолютно не по адресу. Я сюда попал совсем недавно и почти сразу обнаружил тебя. Чем смог, тем помог. А больше сделать я ничего и не могу – банально гранат нет. К тому же, хоть то, что тебе скажу, возможно, тебе и не понравится, но я, по идее, вообще не должен был вмешиваться.

Сергей напрягся ещё сильнее, его взгляд стал острым, как лезвие:

– Ты не за нас? Ты за немцев?

Я чуть не поперхнулся от такого понимания моих слов.

– Каких ещё к чёрту немцев?! Я за нас! – ответил ему, стараясь сохранить спокойствие. – Но просто дело в том, что время это – не моё, и появление тут меня случайно. Исторический процесс, который происходит вокруг, он уже однажды был – история свершилась. И теперь, когда тут возник я, то невольно стал неким камнем, который может обрушить камнепад в реку времени – изменить то прошлое, которое уже однажды свершилось в моей истории. Впрочем, моя фраза неправильна: моё появление не «может изменить», а уже изменило эту реальность.

Сергей нахмурился, его брови сошлись на переносице:

– Что ты имеешь в виду?

– А ты не понимаешь? – спросил я, чувствуя, как слова начинают путаться в голове.

– Нет, – отрезал он, и в его голосе послышалась смесь раздражения и усталости.

– Хорошо, я скажу. Но ты имей в виду, что слова эти тебе могут быть неприятны. Однако для того, чтобы понять суть происходящего, их обязательно нужно озвучить. – Я сделал паузу, собираясь с мыслями, и, откашлявшись, произнёс: – Итак, как минимум первое изменение в истории произошло, когда объект, на котором я находился, перенёсся сюда, нарушив ландшафт и, возможно, убив каких-то животных или насекомых.

Сергей скептически хмыкнул, словно говоря: «И что с того?»

Я продолжил, стараясь объяснить проще:

– Вижу по твоему скептицизму, что тебе кажется это несущественным, но это не так. Вот тебе пример: при перемещении земля придавила, скажем, зайца. Казалось бы, таких зайцев охотники часто добывают и ничего страшного не происходит. Но дело в том, что в не изменённом историческом процессе именно этого зайца должен был съесть, например, волк. А теперь он его не съест, потому что ушастый уже давно умер. И тем самым вся история пойдёт по-другому. Волк, не найдя еды, умрёт. А этот волк, будь он жив, в 1950 году мог бы напугать какого-нибудь сельского поэта, который написал бы сагу о великих волках Смоленщины.

– Эка проблема – стишок не напишут, – буркнул собеседник, но в его глазах мелькнула искра интереса.

– Да нет, не всё так просто, – возразил я, чувствуя, как увлекаюсь собственной мыслью. – Этот стишок, допустим, должен был выйти на бумаге в виде брошюрки. Однажды эта бумажка загорелась бы и вызвала пожар в библиотеке. На пожар приехали бы пожарные, и один из них

влюбился бы в библиотекаршу. У них родился бы сын, который потом встретил бы женщину, и их ребёнком мог быть, скажем, я. Теперь же, раз стиха не будет, не будет и свадьбы, не будет детей, а значит, не должен буду родиться и я. Я не родился, а значит, не переместился во времени, и меня тут, в той вероятности, как бы и нет.

Сергей опешил, его взгляд стал растерянным:

– Но ты же есть.

– В этой реальности – да. Но в той, в которой исчез вначале заяц, а потом волк, меня нет и никогда не было, – попытался пояснить я, осознавая, что сам ничего уже не понимаю и начинаю путаться, после чего, чтобы распутать, добавил: – И вероятно, уже не будет.

И только больше усугубил общую ситуацию. Разведчик потряс головой, явно пытаясь осмыслить услышанное.

– Ничего не понимаю. Как такое может быть?

– Поверь, может, – вздохнул я. – Но ты меня особо не спрашивай. Для меня ведь всё это перемещение – полный сюрприз. В моём времени, в 2025 году, такого не умеют. Ну или я об этом не знаю.

Визави задумался, его взгляд скользнул по коридору, где мы стояли. Тусклый свет одной из включённых энергосберегающих ламп отбрасывал длинные тени на бетонные стены, и в этом полумраке лицо Сергея выглядело ещё более измождённым.

Он вздохнул и спросил:

– То есть ты хочешь сказать, что просто из-за волка в конце может не оказаться того, кто должен быть?

– Именно это, – кивнул я, радуясь, что тот начинает улавливать суть. – Или ещё более простой – приземленный – пример: жил был тут в берлоге медведь. В результате катастрофы он перенёсся из этого времени в моё. Тут его не стало. Но если бы он остался, то, скажем, через год – в 1943-м, будучи голодным, съел бы немецкого разведчика, который заблудился в лесу. Тот, будучи съеденным, не успел бы передать важное донесение в свой штаб. Из-за этого немцы проспали бы наступление наших войск. Наши окружили бы их и уничтожили намного больше гитлеровцев, чем могло бы быть, если бы донесение дошло. В связи с этим после войны вернувшихся на свою родину из плена немцев стало бы гораздо меньше, а значит, демография их страны сократилась бы в разы. Не родились бы новые музыканты, актёры, инженеры, рабочие. Не создали бы новые фильмы, песни, оружие и предметы. А значит, не было бы в таком случае и всех ответвлений, связанных с жизнедеятельностью этих людей и животных. Это как дерево, разрастающееся в разные стороны различными вероятностями.

Сергей обвёл взглядом коридор, его губы тронула лёгкая усмешка:

– Много ты со своим бункером тут червяков, наверное, подавил.

– Э-э, каких червяков? – не сразу понял я.

– Да тех самых – из твоих вероятностей, – хмыкнул он. – Ведь тот червяк мог выползти, его бы съел тетерев, его подстрелил бы охотник, косточкой от приготовленной утки подавился бы сосед, приглашённый на застолье. После этого его доставили бы в больницу, где он... и так далее.

Я невольно улыбнулся. Собеседник быстро ухватил суть, и это меня приятно удивило. Несмотря на усталость и боль, его разум оставался острым.

– Всё правильно понял, – кивнул я.

Тот вздохнул, поморщился, словно от резкой боли, и произнёс:

– Правильно, да не правильно... Ты сказал, что я могу обидеться. Только я не уловил, чем ты меня обидеть можешь?

Я шмыгнул носом, чуть подумал и решил говорить прямо, без обиняков:

– Не обидеть, а сказать неприятные для тебя слова. – Сделал паузу, собираясь с духом, и пояснил: – Сергей, ты ведь погибнуть был должен, если бы не моё перемещение во времени.

Разведчик прищурился, его взгляд стал тяжёлым.

– И что? Я не боюсь смерти!

– Я тебе верю. Но говорю не об этом. А говорю, что историю, которая должна была произойти, я уже поменял. И не только по поводу возможно несуществующих волков и медведей, а реально существующего человека – разведчика-диверсанта. Ты понимаешь? Вначале ты должен быть окружён немцами, когда находился в развалинах. Твоя судьба была предрешена: либо смерть, либо плен с пытками и концлагерями. А если бы удалось ускользнуть тогда – то же самое тебе было уготовано у полицаев, если бы ты дошёл, а не умер от раны. Конечно, имелся небольшой шанс, что ты бы выжил, пройдя все муки ада. Но ты бы стал уже другим человеком, и твой жизненный путь стал бы иным – ты бы находился там, где тебя быть не должно.

– Имеешь в виду, что я не был бы среди живых, а уже лежал в земле? – уточнил тот немного дрогнувшим голосом.

– Не обязательно в земле. Например, сидел бы в тюремной камере или в бараке концентрационного лагеря смерти. Да, остался бы жив, но это была бы уже не твоя изначальная судьба.

– Ох, – парень со вздохом потёр глаза, – запутал ты меня. Это очень тяжело не то что понять, а просто принять. Где-то в душе я понимаю, что ты прав. И за примерами ходить далеко не надо – я нахожусь тут, в месте, где меня быть не могло. С этим спорить бессмысленно. Но ты говоришь про судьбу, так, может, она тебя сюда переместила, чтобы помочь нам разбить фашистов?

– Возможно. Но возможно и нет.

– Не понимаю, о чём ты, – нахмурился младший лейтенант.

– Да о том, что я сам не понимаю, к чему всё это приведёт, – признался я, разводя руками. – Сейчас главное – не спешить.

– Не спешить?! – Сергей повысил голос, его глаза сверкнули. – Да пока ты тут сидеть будешь, немцы до Москвы опять дойдут! – Он махнул рукой, словно отмахиваясь от моих слов, и добавил: – Я хочу отдохнуть. У меня очень разболелась голова! Где я могу это сделать? В том же помещении, где ты меня держал? – Он нахмурился, и его голос стал резче. – Кстати, а зачем ты запираешь дверь?

Я почувствовал лёгкий укол вины, но тут же напомнил себе, что мои действия были оправданы.

– Сергей, на этом объекте есть много вещей, которые ты мог по неумению и незнанию сломать, испортить или вообще причинить ими вред не только себе, но и всему объекту. Я не знал, в каком психологическом состоянии ты окажешься после всего, что тебе пришлось пережить. Поэтому и принял некоторые меры предосторожности. Не думаю, что тебе стоит на это обижаться.

– Я не псих! – покачал головой разведчик и, хмыкнув, добавил: – Вроде бы...

– Я вижу это и поэтому предлагаю тебе перейти в бокс № 3. Он рассчитан на восемь человек, и тебе там будет удобно. Я же живу по соседству в боксе № 4, так что найти меня сможешь легко.

Проводил младшего лейтенанта до двери его новых «апартаментов» и молча пошёл по своим делам. Сергей, судя по его тяжёлой походке и опущенным плечам, хотел в уединении осмыслить всё, что с ним произошло. Я же, вернувшись в компьютерную, ставшую центральным постом, первым делом проверил камеры наблюдения на объекте. Экраны показывали спокойную обстановку: лес вокруг бункера был тих. Убедившись, что всё в порядке, почувствовал, как усталость наваливается тяжёлым грузом. Разговор с разведчиком вымотал меня не меньше, чем вся эта операция по его спасению. Голова гудела, мысли путались, и я решил, что небольшой отдых и мне не помешает.

Вошёл в свой бокс, являющийся отныне моим временным домом, и бросил взгляд на узкую кушетку в углу, уже представляя, как рухну на неё и закрою глаза хотя бы на час. Но тут моё внимание привлек рюкзак с личными вещами, лежавший на металлическом столе.

«Время есть, так почему не провести инвентаризацию?»

Присев на кровать, вывалил содержимое рюкзака прямо на покрывало, и предметы рассыпались по серой ткани, словно осколки моей прошлой жизни. Ничего особенного, разумеется, не было. Баллончик с перцовым газом, перочинный нож с потёртой рукояткой, ридер, документы, немного денег, пара кредитных карт и старенький MP3-плеер. В 2025 году такими плеерами уже почти никто не пользовался, предпочитая закачивать музыку или аудиокниги прямо в телефон, но мне этот девайс нравился. Лёгкий, неприхотливый, дешёвый – он был моим верным спутником в поездках и на даче, когда я брал в руки триммер и выходил косить траву. Врубал какую-нибудь аудиокнигу или сборник песен, надевал наушники – и работа шла быстрее и веселее. Одним словом, полезная вещь.

Взял плеер в руки, повертел его, чувствуя лёгкую ностальгию. А затем пальцы скользнули по связке ключей от дома, на которой болталась лазерная указка. Её красный корпус блеснул в свете лампы, и в груди вдруг защемило. Родители. Умом я понимал, что в 1942 году они ещё даже не родились, но сердце тосковало по ним. Я любил их, люблю и буду любить всегда, куда бы меня ни занесла судьба-злодейка. Эта мысль накрыла меня, как холодная волна, и я замер, глядя на ключи, будто они могли каким-то чудом перенести меня обратно в моё время, в мою комнату, к маминому борщу и отцовским шуткам.

Из тягостных мыслей меня вырвал стук в дверь. Я непроизвольно вздрогнул, возвращаясь к реальности, и, повернувшись ко входу, сказал:

– Заходи. Открыто.

– Это я, – произнёс Сергей, входя в помещение. Его голос звучал неуверенно, и он, словно для верности, добавил: – Можно?

– Да-да. Что случилось? Выключатель света не смог найти?

– Нет, с этим всё нормально, – ответил он, подходя ближе. Его лицо оставалось серьёзным, а в глазах читалась неловкость. – Я извиниться пришёл. Извини за срыв. Я не должен был так себя вести. Мне нет оправдания.

Я посмотрел на него, чувствуя, как раздражение, ещё тлевшее где-то внутри, начинает угасать. Он выглядел искренне раскаивающимся, и я махнул рукой:

– Да ладно тебе. Бывает.

– Нет! Не бывает и не должно такое быть между товарищами! – возразил он с жаром. – Тем более тогда, когда один из них, жертвуя секретностью, спас другому жизнь. Он вытянулся по стойке смирно, словно перед командиром, и чётко произнёс: – Николай, прошу прощения! Такого больше никогда не повторится!

Я поднялся с кровати и протянул ему руку:

– Договорились. Давай будем считать, что ничего и не было.

Он крепко пожал мою ладонь, и напряжение, витавшее в воздухе, как будто растворилось. Обстановка разрядилась, и я почувствовал, как на душе стало легче.

– Что делаешь? – спросил Сергей.

– Да вот, барахло разбираю – это личные вещи, – ответил я, указывая на рассыпанные предметы, и, прекрасно понимая его любопытство, начал разъяснять: – Вот это, например, называется ридер, ну или читалка, как кому нравится.

Протянул его Сергею. Тот взял девайс, осторожно повертел в руках, разглядывая со всех сторон, и хмыкнул:

– Судя по названию «читалка», её читают? Но что именно?

– Не её, а на нём, – улыбнулся я. – Смотри.

Я нажал на боковую кнопку, и экран ридера засветился, начиная загрузку.

Парень замер, его глаза расширились от удивления.

– Ничего себе, – прошептал он через полминуты, когда на экране появился текст. – Тут текст виден. – И воскликнул: – Смотри! Его действительно можно читать!

– Так для этого устройство и сделано, – объяснил я. – Сюда загружается информация в виде книг, и её в любой момент можно прочесть.

– Как это – загружается?

– Ну то есть переписывается по радиоканалу или через кабель. Сама информация в это время находится на другом устройстве. – Я задумался, как объяснить проще, чтобы он понял, опираясь на реалии его времени, и сказал: – Считай, что такая информация записана на множестве маленьких грампластинок. Только она сжата до такой степени, что даже на одну такую «пластинку» можно записать не пять-семь песен, как у вас сейчас, а десятки тысяч. И таких «пластинок» внутри очень много. При этом перемещать условную «иглу», чтобы выбрать нужную «дорожку», можно с помощью вот этих кнопок.

Я щёлкнул по боковым кнопкам, перелистывая страницы, а затем вернулся в меню.

– Вот видишь – каждый файл – это целая книга. На этом устройстве их всего шестьдесят, но вообще в ридеры этой модели влезет под несколько тысяч. А если объём памяти расширить специальными электронными устройствами с микросхемами, то и под несколько десятков или даже сотен тысяч.

Сергей покачал головой, его лицо выражало смесь недоверия и восхищения.

– В это просто невозможно поверить, как и во многое другое, – вздохнул он, а затем задумчиво произнёс: – Николай, у меня к тебе ещё один вопрос.

– Задавай, – кивнул я, готовясь к чему угодно.

– Скажи, почему я вижу на плакатах, что висят на стенах, не только красные знамёна, но и знамёна царя и даже ранней Российской империи?

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.